

Мой Жестокий Босс

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

Мой Жестокий Босс

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Мой Жестокий Босс / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Алиса Ветрова спешит на собеседование, но случайная встреча с ледяным миллиардером Даниилом Морозовым превращает её день в катастрофу. Чтобы спасти больную мать, она соглашается на унижительную сделку — фиктивный брак по контракту, где она становится его тенью. Но чем глубже она погружается в его мир, тем яснее видит за бронёй Дьявола раненую душу. Но что произойдёт, когда срок контракта истечёт, а чувства станут настоящими?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сломанная дверь	5
Глава 2. Дьявол в костюме	8
Глава 3. Первый круг ада	11
Глава 4. Чужие игры	15
Глава 5. Шопинг с Дьяволом	18
Глава 6. Ледяной комплимент	21
Глава 7. Невеста по контракту	25
Глава 8. Сквозь песок и лед	28
Глава 9. Песок и кровь	30
Глава 10. Чашка, разбитая о стену	32
Глава 11. Трещина во льду	35
Глава 12. Вероника и контракт	38
Глава 13. Контракт с Дьяволом	41
Глава 14. Брачный конвейер	44
Глава 15. Лавандовая клетка	47
Глава 16. Семейный ужин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мой Жестокий Босс

Глава 1. Сломанная дверь

Будильник не прозвенел. Вернее, он завибрировал, жалобно звякнул под подушкой, но я успела придавить его ладонью, уткнувшись носом в наволочку. Пять минут. Еще пять, и я встану. Эти пять минут каким-то непостижимым образом растянулись на проклятые сорок.

Когда я наконец распахнула глаза, в комнате стоял серый, унылый свет московского утра. За окном гроыхала старая «Газель», с улицы несло мокрым асфальтом и горелым бензином. Телефон бесстрастно высвечивал цифры — 8:00. Час до собеседования. Час, за который нужно добраться с окраины до «Москва-Сити». Час, за который я даже не удосужилась накраситься.

— Алиса, ты идиотка! — выкрикнула я хриплым спросонья голосом, сбрасывая одеяло. Холодный воздух обжёг кожу ног.

Дальше начался хаос, достойный немого кинофильма. Я металась по крошечной «однушке», наступая на резиновые тапки, путаясь в проводе зарядки, который оплел мои щиколотки. Пахло дешевым растворимым кофе, стоящим на столе, и застоявшейся пылью старых обоев.

На стуле у батареи висела она — белая блузка, моя единственная приличная вещь, купленная за бесценок на «Авито». Ее ткань, чуть жестковатая, но ослепительно белая, была моей броней. Она пахла свежестью нового нейлона и надеждой.

Я натянула ее на плечи, дрожащими пальцами застегивая пуговицы. Ткань приятно холодила спину. Жизнь налаживалась.

И в этот момент моя нога зацепилась за дурацкий тапок. Мир качнулся. Я взмахнула рукой, пытаясь удержать равновесие, и с глухим стуком смахнула со стола пластиковую чашку.

Кофе, обжигающе горячий, выплеснулся в воздух чёрной дугой — словно в замедленной съемке. Он приземлился прямо на грудь моей новой блузки. Коричневая жижа моментально впиталась в ткань, расплзаясь огромным бесформенным пятном прямо в области сердца. От ткани тут же пошел запах жженого сахара, смешанный с кислотой дешевого растворимого порошка.

— Нет-нет-нет! — запричитала я, хватая со стола мокрое полотенце и яростно, почти в панике, принимаясь тереть пятно.

Но стало только хуже. Влажная ткань размазала кофе, и вместо аккуратного пятна на груди расцвела мокрая, грязная клякса, которая липла к коже, оставляя ощущение холодной липкости. Я выглядела не как претендентка на должность аналитика, а как жертва внезапного потопа в офисе.

Времени на переодевание не было. Вообще. Под рукой — только старый, серый пиджак, который я носила в универ. Я втиснулась в него, чувствуя, как жесткая, потертая ткань неприятно трется о мокрую кожу под блузкой. Застегнулась на все пуговицы до самого горла, чтобы скрыть позор, схватила выдавшую виды сумку-шоппер, в которой лежало заветное резюме, и, не закрывая входную дверь, вылетела в облезлый подъезд.

— Если сегодня фортуна решила повернуться ко мне спиной, — прошептала я, сбегая по ступенькам, — я разверну ее силой.

На улице моросило. Ноябрьский ветер — сырой, колющий — пробирался под тонкий пиджак, заставляя меня зябнуть. Я влетела в метро, втиснулась в вагон, где пахло мокрой синтетикой, потом и дешевыми духами, и молилась только об одном — успеть.

Бизнес-центр «Федерация» встретил меня стерильной роскошью. На входе воздух был сухим и холодным, пахло дорогим полиролем, парфюмом и откровенным презрением охраны.

Мой старый, насквозь промокший пиджак и взмокшие от бега волосы кричали о том, что я здесь чужая.

Я неслась к лифтам, сжимая в кулаке влажное от пота резюме. В ушах стучала кровь, дыхание перехватывало — я слышала, как гулко бьется сердце, отдаваясь в висках. Я почти добежала до заветных дверей, когда они начали закрываться. Внутрь шагнул какой-то мужчина. Я выставила руку, пытаюсь остановить створки, — они зашипели и начали расходиться.

— Успела! — выдохнула я, переступая порог.

Но я не учла инерции. Моё мокрое плечо впечаталось не в двери, а в широкую мужскую грудь, от которой пахло дорогим деревом и мятой. Я отскочила, как мячик, и содержимое моей старой сумки — ключи, помада, упаковка таблеток от головной боли и, конечно, злосчастное резюме — вылетело наружу, рассыпаясь по идеально чистому мраморному полу, покрытому блестящей полировкой.

Сверху раздался низкий, ледяной голос. В нем не было ни капли сочувствия — только звон стали и холод арктического ветра.

— Смотри, куда прешь.

Я медленно подняла голову. И в этот момент мне показалось, что воздух в холле стал еще холоднее. Передо мной стоял мужчина, словно высеченный из скалы. Идеально скроенный темно-синий костюм облегал широченные плечи, словно вторая кожа. Темные волосы были безупречно уложены назад, так что ни один волосок не выбивался. Волевой подбородок, резкие скулы — его лицо было пугающе, почти стерильно красивым. Но самым страшным были его глаза. Светло-серые, бездонные, они смотрели на меня, как на пустое место — как на надоедливую мошку, которая случайно залетела в его идеальный мир.

Я залепетала, чувствуя, как горит лицо и на глаза наворачиваются слёзы унижения:

— Извините, я очень тороплюсь, я не хотела...

Я присела на корточки, ударившись коленями о ледяной мрамор, и судорожно начала сгребать разбросанные вещи. Мои пальцы дрожали, помада выскальзывала, ключи звенели. Я почти схватила резюме — последний, самый важный лист.

Но в этот момент дорогой черный ботинок, начищенный до зеркального блеска, опустился прямо на бумагу. На мою фотографию, где я, наивно улыбаясь, смотрела в объектив профессионального фотографа. На подошве остался грязный след от уличной воды, отпечатавшийся на моем лице.

— В этой башне не место тем, кто создаёт хаос, — отчеканил он, даже не думая убирать ногу.

Что-то внутри меня — холодное, дикое, отчаянное — щелкнуло. Я дернула лист на себя. Вместе с бумагой раздался резкий треск. Резюме порвалось пополам, моя фотография осталась под его ботинком, а список моих с таким трудом добытых достижений оказался отделен от нее.

Я распрямилась, готовая закричать на этого напыщенного хама. Внутри закипала настоящая, справедливая ярость. Да кто он такой? Местный царь?

Но в этот момент лифт мелодично звякнул — двери начали закрываться. Незнакомец, словно я больше не представляла для него ни малейшего интереса, развернулся и шагнул в кабину.

Он обернулся ко мне через плечо, нажимая кнопку закрытия створок, и кивнул в сторону — туда, где на стене висела строгая табличка с надписью «Лифт для персонала».

— Вам в другой, — коротко бросил он.

Створки сомкнулись, отсекая меня от его ледяного взгляда. Я осталась стоять в холле, сжимая в руках два обрывка резюме, с чувством гадкого, жгучего унижения. Откуда-то сбоку раздался звук каблучков, кто-то прошел мимо, с любопытством покосившись на меня.

Я глубоко вздохнула, сглотнула вязкую обиду, и подошла к другому лифту. Я не для того пробивалась через три круга телефонных собеседований, чтобы сдаться из-за какого-то грубияна. Я нажала кнопку сорокового этажа.

Прозрачная кабина взмыла вверх с легким свистом. Москва подо мной превратилась в игрушечный город, затянутый серой дымкой. С каждой секундой подъема мое состояние ухудшалось. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавал в кончики пальцев. Я пыталась дышать ровно, но перед глазами стоял тот самый хам. Только бы он не работал в «Морозов Индастриз». Только бы он был чьим-то водителем или случайным гостем. Только не он. Пожалуйста.

Глава 2. Дьявол в костюме

Лифт остановился с тихим «динь». Двери плавно разъехались, открывая вид на просторную зону ресепшена. Сороковой этаж пах дорогой кожей, лакированным деревом и — кажется — деньгами. Свет был теплым, но каким-то стерильным. В воздухе стояла идеальная, выхолащенная тишина.

Я поправила влажный, сбившийся пиджак, провела ладонью по волосам и шагнула вперед, стараясь держать спину прямо. На моей груди под старым пиджаком отчетливо пульсировало холодное, мокрое пятно.

И я замерла.

Прямо передо мной, лениво опершись бедром на высокую стойку администратора, стоял ОН. Мой обидчик. Тот самый ледяной хам из лифта. Сейчас он спокойно пил чёрный кофе из фарфоровой чашки, словно ничего не случилось. Его идеальный пиджак был расстегнут, открывая белоснежную рубашку с запонками, мерцающими в свете ламп.

Рядом с ним суежилась девушка-секретарь — с идеальной, безупречной укладкой, в строгом деловом костюме, с блокнотиком наизготовку. Она заглядывала ему в рот.

— Даниил Андреевич, ваше одиннадцатичасовое совещание с отделом закупок перенесли на час дня. Я уже предупредила всех участников.

— Хорошо, Инга, — небрежно бросил он, даже не глядя на нее. Потом его взгляд скользнул вниз, на его руку. — И позвольте, я выброшу это. Не хочу, чтобы в приемной валялся мусор.

Он безразлично поднял с края стойки обрывок бумаги — мое резюме. Отпечаток ботинка виднелся на уголке. Он явно захватил его с собой, когда заходил в лифт, и так и держал в руках, словно забавный сувенир.

Даниил Андреевич... Морозов?

Земля ушла у меня из-под ног. Пол покачнулся, и я схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле, мешая дышать. Только не он. Только не он, владелец этой компании. Грубиян, который только что растоптал мое резюме, — это человек, который будет решать мою судьбу?

Он слышал мои шаги, стук мокрых подошв по паркету. Он обернулся. Узнавание промелькнуло в его холодных глазах, и его красивое лицо исказила гримаса безразличного неудовольствия. Он заметил меня.

— Это опять вы? — произнес он, лениво растягивая слова. Его взгляд прошёлся по мне с головы до ног — от мокрых волос до потёртого пиджака. Под этим взглядом я чувствовала, как моя старая одежда просто рассыпается по швам, обнажая мое жалкое, неприглядное положение.

— Я... — голос мой звучал жалко и тонко, словно писк комара. — У меня назначено собеседование. На должность младшего аналитика. Моя фамилия Ветрова. Алиса Ветрова.

Морозов чуть склонил голову набок. Уголок его губ дрогнул. Эта улыбка, едва заметная, была хуже любого крика. Злая, холодная, понимающая.

— Собеседование, — повторил он, и в его голосе послышалась усмешка. — Отменяется.

Он сделал паузу, наслаждаясь моей реакцией. Я чувствовала, как краска заливает шею, щеки, лоб.

— Мне не нужны сотрудники, которые не могут справиться даже с утренним кофе и собственной сумкой, — отрезал он. — У вас на лице написано, что вы катастрофа. А я, Алиса Ветрова, в своем бизнесе катастроф не терплю.

Он развернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен. Краем глаза я увидела, как охранник у входа напрягся и сделал шаг вперед, готовый выпроводить меня из этого храма чистоты.

Но я не могла уйти. Встать и уйти. Ноги приросли к полу. Перед глазами всплыло изможденное лицо моей мамы. Белые, стерильные стены больничной палаты. Запах лекарств. И страшная, пугающая сумма в счете за операцию, которую я не могла закрыть уже полгода.

Я сделала то, чего никогда не делала, — шагнула вперед. Охранник напрягся, но я повысила голос:

— Подождите!

Морозов замер. Его плечи напряглись. Он обернулся медленно, плавно, хищно — словно тигр, который слышит, как в его джунглях хрустнула ветка.

— У меня к вам предложение, — голос срывался, в горле пересохло, но я заставила себя говорить громче. — Мне сказали, что вакансии аналитика уже закрыта... Но я готова... я готова на всё. На любую должность. Уборщица, курьер, кто угодно! Мне просто нужна эта работа! Пожалуйста, я закрываю кредит на лечение моей матери... Я обязана его выплатить.

В приемной повисла густая, липкая пауза. Секретарша Инга смотрела на меня, словно я только что прыгнула в бассейн с пираньями. Но Морозов смотрел иначе. Его взгляд изменился. Куда-то исчезла брезгливость, сменившись совершенно иным выражением — холодным, оценивающим, собственническим интересом. И от этого интереса у меня по спине побежали мурашки.

Он отставил пустую чашку на стойку и подошел ближе. Так близко, что я почувствовала его запах — дорогой, древесный аромат с резкими нотками сандала и какой-то ледяной свежести. Этот парфюм, казалось, был частью его самого.

— Значит, долги, — произнес он вкрадчиво, почти шепотом, но в голосе слышалась скрытая усмешка. — Кредит на лечение матери...

Он наклонил голову, разглядывая меня с ног до головы. Его взгляд задержался на моей шее, на старом пиджаке, который топорщился на груди, скрывая позорное кофейное пятно.

— Это меняет дело.

— Личный ассистент, — бросил он коротко, и его голос вновь стал жестким, как камень. — Ненормированный рабочий график. Полное подчинение. Вы забудете слово «нет». Забудете, что такое личное время, отпуск и выходные. Вы будете доступны круглосуточно.

Сердце пропустило удар. Желудок сжался от страха.

— Но я не... у меня нет опыта в такой работе...

— Я закрываю ваш кредит прямо сегодня, — перебил он, не давая мне договорить. Его серые глаза сверкнули, как разряды молний. — Взамен вы принадлежите мне. Звонок в три часа ночи? Вы не раздумываете, а едете. У меня дурное настроение? Вы терпите и улыбаетесь. Никаких амуров, никакой личной жизни. Вы становитесь моей тенью. Понимаете?

Каждое его слово падало на меня, как тяжелый камень, придавливая к полу. Каждая клеточка моего тела кричала: «Беги!», «Бросай всё!». Но в этот миг я снова увидела маму. Кислородная маска, перекрывающая ей половину лица. Тонкие руки, сжимающие край больничного одеяла. Сумма в колонке «Итого к оплате» до конца месяца.

Я слотнула. В горле пересохло так, что слова выходили хриплым, разбитым шепотом:

— Я согласна.

Морозов хищно, довольно улыбнулся. Так улыбается удав, впервые заметивший теплое тело кролика.

— Инга, — бросил он, не оборачиваясь к секретарше. — Контракт. Проект «Ветрова».

Инга, чье лицо окаменело от шока, но руки двигались с автоматической точностью, достала из ящика стола и подала Даниилу тонкую черную папку. Он выхватил ее, небрежно

пролистал, потом извлек оттуда стопку бумаг, легкую, с водяными знаками, и бросил на стойку вместе с золотой ручкой.

— Подписывай, — приказал он. — Только быстро. Я не люблю ждать.

Ручка в моих пальцах казалась тяжелой, ледяной. Она дрожала, мелко и нервно. Я смотрела на размытые строчки перед глазами: «Ненормированный график», «Материальная ответственность», «Полное неразглашение служебной информации».

— Я хочу прочитать... — начала я, но он сделал шаг вперед, буквально нависая надо мной.

— Ты не читаешь, — сказал он тихо и властно. — Ты подпишешь. Мелкий шрифт тебя не спасёт, Ветрова. Или ты доверяешь мне, или завтра твою маму выпишут из платной палаты.

Его фраза «я закрою кредит сегодня» эхом билась у меня в висках, перекрывая звук собственного пульса. Ноги стали ватными. В голове стучала одна мысль: «Мама. Это для мамы».

Я поставила подпись. Кривую, неровную, дрожащую.

Он вырвал бумаги у меня из рук, быстро окинул их взглядом. На его губах снова появилась та самая злая улыбка.

— Умница, девочка, — выдохнул он, убирая контракт в папку. — Ты усвоила главное. Мелкий шрифт читать не обязательно, чтобы попасть в ловушку. Добро пожаловать в ад, Ветрова.

Он развернулся на каблуках и направился к массивным дубовым дверям своего кабинета. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Завтра в 6:00 утра. Опоздаешь хоть на минуту — вычту из премиальной части зарплаты. Надеюсь, ты не умеешь считать до шести.

Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, глухим стуком, как захлопывается крышка гроба.

Я осталась стоять посреди шикарной приемной. В одной руке я сжимала копию контракта — бумага пахла свежей типографской краской и канцелярией. Другая рука безвольно повисла. Сердце колотилось где-то в горле, грозя вырваться наружу. Я только что продала свою свободу, свою личную жизнь, свои принципы — дьяволу в безупречном костюме от Bgioni. И, кажется, я даже не успела прочитать, что за кабалу подписала на последней странице, под мелким, почти невидимым шрифтом в самом низу.

Холодные лампы ресепшена заливали меня своим стерильным светом. Я была одна. И впервые за долгое время у меня не было ни малейшей надежды на то, что я выберусь из этого дерьма живой.

Глава 3. Первый круг ада

Метро в половине пятого утра — это особый мир. Тусклый свет ламп, гулкий стук колес по рельсам, запах мокрой резины и сырой одежды. Я сидела в углу вагона, сжимая в руках пластиковый стаканчик с дешевым кофе из автомата. Кофе был горьким и безвкусным, но хоть немного согревал замёрзшие пальцы. За окном проносились черные туннели, а в голове стучала одна мысль: 5:55. Я буду на месте ровно в 5:55. Ни секундой позже.

Выходя из метро на станции «Москва-Сити», я вдохнула холодный, влажный воздух ноябрьского утра. Небо было серым, тяжелым, словно налитым свинцом. Ветер трепал полы моего старого пальто, заставляя зябко кутаться. Я шла по пустынной улице к стеклянному гиганту «Федерации», и мои шаги гулко отдавались от мокрого асфальта.

Охрана на входе уже знала меня в лицо. Вчерашний скандал, видимо, стал местной легендой. Меня пропустили без лишних вопросов, только проводили взглядом, полным любопытства. Я вошла в лифт, нажала кнопку сорокового этажа, и кабина с мягким гулом взмыла вверх. Внутри было тепло, пахло дорогим ароматизатором с нотками бергамота. Я прижалась спиной к холодной стене лифта и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

Двери открылись, и я шагнула в приемную. Свет люминесцентных ламп был резким, белым, выхолащивающим всё тепло. Пахло полиролью для мебели и свежей типографской краской. Мой стол — небольшой, глянцевый, с металлическими ножками — стоял ровно напротив двери в кабинет Даниила Морозова. Словно я должна была стать цербером, охраняющим врата ада, но без права даже гавкнуть.

На столе меня ждала стопка бумаг. Высотой с полметра. Папки, контракты, счета-фактуры, какие-то акты, накладные, письма. От одного взгляда на эту гору у меня закружилась голова. Сверху лежала записка, написанная летящим, резким почерком, с острыми, колючими буквами, которые словно впивались в бумагу:

«Разобрать за час. Каждый просроченный документ — минус десять процентов от первой зарплаты. М.»

Я скрипнула зубами. Десять процентов? За первый же день? Да у меня зарплата и так будет копеечная! Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Но спорить было не с кем. Я села за стол, достала из сумки очки, которые носила редко, но сейчас они были нужны, чтобы хоть как-то сосредоточиться.

В этот момент за спиной раздался низкий, бархатный голос. Он прозвучал так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула.

— С добрым утром, Алиса.

Я резко обернулась. Даниил Морозов стоял в дверях своего кабинета. Небрежно прислонившись плечом к дубовому косяку, он смотрел на меня с ленивым, оценивающим интересом. Сегодня на нем был темно-серый костюм-тройка, белоснежная рубашка с запонками в виде серебряных молний, и ни единой складочки на ткани. Его темные волосы были безупречно уложены, на лице — идеальная гладкость, ни следа усталости. Он выглядел так, словно только что вышел из спа-салона, а не просыпался в пять утра.

Он посмотрел на меня, потом на мои руки, сжимающие очки, и уголок его губ дернулся в едва заметной усмешке.

— Час, — напомнил он, постучав указательным пальцем по запястью, где поблескивали массивные швейцарские часы с черным циферблатом. — Время пошло. И да — кофе. Чёрный, без сахара. Поторопитесь, Фиалка.

Он развернулся и исчез в кабинете, даже не закрыв за собой дверь. Я осталась сидеть с открытым ртом, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Какая ещё Фиалка?.. — прошептала я, глядя на руку. На внутренней стороне предплечья расплывался багрово-синий синяк. Я вчера врезалась в косяк, когда выбегала из квартиры, и даже не заметила, как сильно ушиблась. А этот гад заметил. Заметил и за секунду придумал мне кличку, которая теперь, как чумка, приклеится ко мне на весь день. В глазах зашипало, но я быстро сморгнула непрошеную влагу. Нет. Не дождется.

Кофе. Документы. Час. Соберись, тряпка!

Я вскочила и метнулась к кофемашине. Она стояла в углу приемной, огромная, хромированная, с сенсорным экраном, на котором светились десятки непонятных мне значков. Я провела пальцем по экрану, и аппарат зажужжал, предлагая выбрать сорт. Молотый кофе насыпался в специальный отсек, я нажала кнопку «Эспresso». Машина зашипела, забулькала, и из носика потекла тонкая струйка чёрной жидкости. Но она потекла слишком медленно, и я, нервничая, нажала на кнопку еще раз. Аппарат замигал красным, выдал ошибку и выключился.

— Да что ж ты такое! — прошептала я, хлопая ладонью по корпусу. Металл был холодным и бездушным. Я перезапустила машину, снова выбрала «Эспresso», и снова она залилась счастливым жужжанием. На этот раз кофе потек нормально, наполняя чашку густым, темным напитком. Пахло жжеными зёрнами и горечью. Я схватила чашку — пластиковую, одноразовую, — и понеслась к кабинету.

На ходу я глянула на настенные часы. Семь минут. Семь минут ушло на эту дурацкую машину!

Я влетела в кабинет без стука. Морозов стоял у окна, заложив руки в карманы брюк. Услышав мои шаги, он обернулся. Его взгляд остановился на пластиковом стаканчике, из которого шел легкий пар.

— Семь минут тридцать четыре секунды, — констатировал он, глядя на свои часы. — Вы всегда такая медленная, Ветрова?

Он сделал шаг ко мне, взял стаканчик двумя пальцами, поднес к носу, понюхал. Потом поставил на край стола.

— Кофе остыл. Переделайте.

— Но он еще горячий! — вырвалось у меня. Пар действительно еще вился над поверхностью, и запах был явно свежим.

Морозов поднял на меня свои серые, холодные глаза. В них не было ни капли раздражения — только спокойная, ледяная уверенность.

— Я хочу обжигающий. Чтобы пар шёл столбом, — произнес он медленно, разделяя слова. — Вы же не хотите потерять еще десять процентов своей и без того символической зарплаты?

Я проглотила комок обиды. В горле встал горький привкус унижения. Я сжала зубы, развернулась и вышла.

Вторая попытка. Машина снова зажужжала, на этот раз я поставила режим «Ristretto» — самый крепкий и горячий. Наливала воду с максимальной температурой. Когда чашка оказалась в моих руках, я обожгла пальцы, но не выпустила ее. Пар валил густой, ароматный.

Я влетела в кабинет через три минуты, поставила чашку на его стол, не глядя ему в глаза.

Он взял чашку, отпил маленький глоток. Не поморщился. Не сказал ни слова.

— Сойдет, — произнес он наконец. — Теперь документы. У вас сорок девять минут.

Я вылетела обратно в приемную, села за стол и нырнула в бумажный ад. Контракты с поставщиками, счета-фактуры от разных компаний, сметы на ремонт офиса, какие-то акты приемки-передачи. Цифры плыли перед глазами. Я пыталась сортировать по датам, по важности, по номерам договоров, но паника захлестывала. Пальцы дрожали, бумаги скользили, я то и дело перекладывала их с места на место, сбиваясь и начиная заново.

Я чувствовала его взгляд сквозь стеклянную перегородку. Он сидел за своим столом и делал вид, что работает — листал какие-то бумаги, набирал что-то на ноутбуке, но я спи-

ной ощущала, как он наблюдает за мной. Как ухмыляется, глядя на мои потуги. На сороковой минуте я почти справилась. Осталась всего одна папка — толстая, с надписью «Договор аренды недвижимости». Я потянулась за ней, и в этот момент мой локоть задел стакан с водой, который стоял на краю стола. Пластиковый стакан опрокинулся, и вода — холодная, прозрачная — выплеснулась прямо на отсортированные бумаги. Чернила мгновенно расплылись, делая документы нечитаемыми. Я вскрикнула и попыталась промокнуть бумаги рукавом, но было поздно.

В тот же миг из динамика селектора на моем столе раздался его бархатистый, довольный голос:

— Да, — сказал он. — Минус двадцать процентов, Фиалка. Кофе засохший через час — это скучно. А вот вода... вода — это креативно.

Я смотрела на расплзающиеся чернила, на мокрые, безнадежно испорченные листы, и что-то внутри меня ломалось. Он наслаждался этим. Он настоящий садист. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и заставила себя вздохнуть.

— Я перепечатаю, — прошептала я в пустоту.

— Конечно, перепечатаете, — ответил он, и в его голосе слышалась улыбка. — И не забудьте про кофе. Мне нужен свежий через час.

Я закрыла глаза. Один час. У меня был один час, чтобы перепечатать все эти документы, собрать заново и приготовить новый кофе. Я взялась за работу с ожесточением, забыв обо всем, кроме цифр и букв.

К полудню я сходила с ума. От голода, от унижения, от его колких комментариев, которые сыпались из селектора каждые полчаса. В одиннадцать он сказал: «Ветрова, вы пропустили запятую в третьем абзаце, переделайте». В половине двенадцатого: «Слишком много ошибок, я устал вам их указывать, делайте лучше». В двенадцать я просто встала и вышла в коридор. Мне нужно было найти туалет, умыться, просто перевести дух.

Я шла по длинному, пустому коридору. Стены были отделаны светлым деревом, полы — мрамором. Гул кондиционеров создавал ощущение стерильной пустоты. Я почти дошла до туалета, когда заметила неприметную дверь с табличкой: «Комната отдыха. Вход только для руководства». Дверь была приоткрыта — буквально на пару сантиметров. Из щели сочился теплый, мягкий свет.

Я замерла. Мне нужно было просто пройти мимо. Но любопытство, глупое, женское любопытство, толкнуло меня вперед. Я приоткрыла дверь чуть шире и заглянула внутрь.

Внутри царил полумрак. Пахло дорогим коньяком — сладковатым, терпким — и чем-то лекарственным, резким, как от спирта или йода. Я сделала шаг вперед и увидела его.

Даниил Морозов сидел на кожаном диване. Без пиджака. Рукава белой рубашки были закатаны до локтя, обнажая предплечья. И я увидела то, что он так тщательно скрывал под идеально скроенной тканью костюма. Его правая рука от запястья до локтя была плотно перевязана эластичным бинтом — белым, стерильным, с капельками проступившей крови на изгибе. На низком стеклянном столике перед ним лежали несколько блистеров с таблетками. Без рецептов — просто упаковки. Обезболивающие. Сильные, судя по названиям на латыни, которые я с трудом прочитала.

Он не заметил меня. Его голова была откинута на спинку дивана, глаза закрыты. На лбу выступила испарина — мелкие капли пота блестели при тусклом свете лампы. Его лицо было напряженным, словно он сдерживал боль. В этот момент он не выглядел всемогущим дьяволом. Он был просто уставшим человеком, которого мучает боль.

Я невольно охнула — тихо, едва слышно. Но он услышал. Его веки мгновенно распахнулись. Метаморфоза произошла за долю секунды. Усталость исчезла, сменившись яростью — такой жгучей, такой ледяной, что меня буквально отбросило назад, к дверному косяку. Я ударилась плечом, и от боли на глазах выступили слезы.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — прорычал он, вскакивая. Он схватил пиджак, лежавший на спинке кресла, и прикрыл перевязанную руку, словно я могла что-то украсть. — Здесь мое личное пространство! У тебя нет сюда доступа! Ты поняла?!

Его голос гремел, заставляя стекла в шкафах дрожать.

— Я... дверь была открыта, я случайно... — залепетала я, отступая назад.

— Выйди! — рявкнул он так, что у меня заложило уши. — Еще одна такая выходка, Ветрова, и ты вылетишь отсюда с такой характеристикой, что тебя даже уборщицей в подъезд не возьмут! Ты поняла?

— Поняла, — прошептала я и пулей вылетела в коридор.

Я бежала, не разбирая дороги, пока не влетела в туалетную комнату. Там я оперлась руками о раковину и посмотрела на себя в зеркало. Бледная, взмокшая, с перепуганными глазами. Сердце колотилось где-то в горле. Что с его рукой? Почему он прячет это? Вопросов было больше, чем ответов. Я чувствовала, что случайно коснулась чего-то очень личного, очень опасного. И от этого становилось не по себе.

Глава 4. Чужие игры

В обеденный перерыв я спустилась в столовую для персонала. Она находилась на третьем этаже — просторный зал с пластиковыми столами, пахнувший разогретой едой и мылом. Я взяла поднос с салатом из свежих овощей — единственное, что выглядело съедобным, — и села за свободный столик в углу. Я попыталась пожевать лист салата, но в горле стоял комок. Ничего не лезло.

Вокруг кипела жизнь. Офисные сотрудники в деловой одежде и неформальных джинсах, кто-то читал новости в телефоне, кто-то перешептывался. Я чувствовала на себе взгляды. Любопытные, оценивающие, враждебные.

— Это она? — донесся шепот от столика у окна. Я не видела, кто говорит, но голос был громкий, с нотками пренебрежения.

— Новая игрушка Дьявола, — фыркнула какая-то брюнетка в очках, сидевшая спиной ко мне. Она не понижала голоса, словно нарочно хотела, чтобы я слышала. — Ставлю сотку, что и месяца не продержится.

— Да ты что! — подхватила другая, блондинка с высокой прической. — Ты Маринку из бухгалтерии помнишь? У нее чуть крыша не поехала после двух недель с ним. А эта серая мышь и недели не выдержит. Смотри, какая забитая. Провинция.

Я сжала вилку так, что побелели костяшки пальцев. Каждое слово было по мне наотмашь. Я чувствовала, как краснеют щеки, как подступает тошнота. Я хотела встать и уйти, но ноги не слушались.

В этот момент передо мной на стул плюхнулась рыжеволосая девушка с задорной стрижкой. Она держала чашку с мятным чаем и улыбалась так, словно мы были старыми подругами.

— Не слушай их, — сказала она, откусывая кусочек круассана. — Привыкай. Ты теперь местная знаменитость.

Я подняла глаза и узнала ее. Это была та самая девушка, что вчера подавала Морозову обрывки моего резюме. Кажется, Лиза из отдела кадров.

— Лиза, — подтвердила она мои мысли, протягивая руку через стол. — Мы с тобой вчера виделись. Извини, что не предупредила, с кем ты связываешься. Но я была в шоке, когда он подписал твой контракт. Он обычно сам никого не нанимает.

— Почему? — спросила я хрипло, чувствуя, как голос срывается. — Почему вы все боитесь его?

Лиза нервно оглянулась через плечо. Убедившись, что никто не смотрит, она наклонилась ко мне, почти касаясь локтем. От нее пахло мятой и дешевым шампунем.

— Потому что Даниил Морозов меняет ассистенток чаще, чем я перчатки, поняла? — зашептала она горячо. — Каждые три недели, иногда месяц. Это максимум. Потом девушки уходят с нервным срывом, а он еще умудряется испортить им репутацию так, что они не могут устроиться в Москве. Он уничтожает людей, Алиса. Ему скучно. У него денег — куры не клюют, вот он и развлекается. Ты знаешь, как его в совете директоров называют? Дьявол. Не за глаза, а в лицо. Он — садист и манипулятор.

Я переваривала эту информацию. Кредит на маму, который он обещал погасить... Если я уволюсь, выплачивать его придется мне. А если он меня выкинет сам — в договоре явно есть пункт о компенсации. Я ведь не читала мелкий шрифт. Я идиотка.

— Спасибо за предупреждение, — выдавила я из себя, сжимая вилку. — Но у меня нет выбора. Ты понимаешь, мама...

— Выбор есть всегда, — грустно улыбнулась Лиза. — Просто иногда он кажется слишком маленьким. — Она подмигнула мне, допила чай и встала. — Держись, Алиса. Если что — мой номер есть в общем списке.

Она ушла, а я осталась сидеть, глядя на салат, который так и остался нетронутым.

Остаток дня прошел в тумане. Я расшифровывала его заметки — рукописный текст, написанный летящим, резким почерком, который нужно было переводить в печатный вид. Отвечала на звонки — звонили какие-то поставщики, менеджеры, советники. Я заказывала пропуска для новых сотрудников. Мысль о том, что я всего лишь очередная игрушка для битья, не давала мне покоя. Каждое движение, каждое слово казалось мне липким и фальшивым.

Когда наступил вечер, офис начал пустеть. Слышались шаги, прощания, щелчки замков. Я сидела за столом, уже который час перебирая немецкие отчеты, которые он бросил мне на стол в конце дня.

В шесть вечера селектор на моем столе ожил. Его голос прозвучал холодно и властно:

— Зайди.

Я поднялась, поправила сбившийся пиджак и вошла в кабинет. Он сидел за столом, снова идеальный, снова в броне из дорогого костюма. На его лице не было ни следа той боли, что я видела в комнате отдыха. Только сталь и высокомерие.

— Вот, — он кинул на край стола пухлую папку. — Перевод отчетов с немецкого. К утру должно лежать у меня на столе. И не вздумай пользоваться онлайн-переводчиками. Я владею немецким в совершенстве и проверю каждую запятую.

— Но рабочий день окончен... — пискнула я, чувствуя, как внутри закипает отчаяние.

Он поднял на меня взгляд. Его глаза были холодны и пусты.

— Мой рабочий день не окончен, — отрезал он. — И раз ты теперь моя тень, твой тоже не окончен. Иди работай.

Я забрала папку, чувствуя, как тяжелая бумага давит на руки. Вернулась в приемную, села за стол и включила ноутбук. Часы тикали. Сначала пробило девять вечера. Потом десять. Потом одиннадцать. Здание опустело — только редкие охранники обходили этажи, слышались их шаги и приглушенные разговоры. Я почти клевала носом над немецкими *Wirtschaftsberichte*, когда услышала за дверью его голос.

Стеклянная перегородка не была звукопроницаемой. И сейчас Даниил говорил по телефону. Его голос звучал иначе — вкрадчиво, почти интимно, но с опасными, стальными нотками, от которых у меня по спине побежали мурашки.

— ...Нет, я не пойду на уступки Старикову. Пусть совет директоров думает что хочет. Ты же знаешь, я всегда получаю то, что хочу, Лера.

Пауза. Он слушал. Я затаила дыхание, боясь даже шевельнуться.

— Я устал ждать, — продолжил он, и в его голосе проступила скрытая угроза. — Или ты сама принесешь мне документы, или я приду за ними. Ты знаешь, что второго варианта лучше избегать. Не заставляй меня быть жестоким.

Лера. Какая-то женщина. И он говорит с ней как с врагом? Как с сообщницей? Угрожает? Я замерла, боясь дышать, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом.

Неожиданно он рассмеялся — сухо, холодно, без капли искренности.

— Вот и умница. Завтра в десять. Не опаздывай.

Щелчок. Он положил трубку.

В тот же момент дверь кабинета распахнулась. Я дернулась, сделав вид, что увлечена переводом, но мои руки дрожали. Он вышел, уже с пиджаком на плече, застегивая запонки на рукавах. Даже не глядя на меня, бросил:

— На сегодня свободна. Завтра в пять утра.

Он уже сделал несколько шагов к выходу, как вдруг остановился. Повернулся ко мне. Его взгляд скользнул по моему заспанному лицу, по темным кругам под глазами, по спутанным волосам.

— И Ветрова... — он слегка наклонил голову, — под глазами мешки. Приведи себя в порядок. Мой ассистент должен выглядеть безупречно.

И ушел. Оставил меня в тишине пустой приемной с ворохом немецких бумаг и страшным вопросом: кто такая Лера и во что я ввязалась?

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В ушах всё еще звучал его голос — вкрадчивый, угрожающий, почти ласковый. Имя «Лера» повисло в воздухе, как невысказанная тайна. Я чувствовала, что этот человек скрывает больше, чем просто больную руку. И что моя новая работа — это лишь вершина айсберга, под которым скрывается что-то темное, опасное, и я уже оказалась внутри. Мне нужно было работать, переводить, не думать о Лере, о его руке, о странных телефонных звонках. Но мысли кружили, как стая ворон, и не давали покоя. Я взяла ручку, и заставила себя перевести первый абзац на немецком. Слова плыли перед глазами. Ночь только начиналась.

Глава 5. Шопинг с Дьяволом

Пять утра. Свет в приемной еще не включили, и только тусклое свечение от уличных фонарей просачивалось сквозь жалюзи, ложась длинными полосами на мой глянцевый стол. Я сидела, уткнувшись лбом в сложенные руки. Веки слипались, в висках пульсировала тупая боль, а во рту стоял отвратительный привкус растворимого кофе — я выпила его в три глотка, обжигая горло, лишь бы разлепить глаза.

Вчерашний перевод немецких отчетов лежал на столе Морозова — аккуратно переплетенный, с моими рукописными пометками на полях. Я молилась про себя, чтобы он хотя бы не нашел ошибок в терминологии.

Ровно в 5:01 дверь его кабинета бесшумно распахнулась. Он никогда не опаздывал ни на секунду. Сегодня Даниил выглядел так, словно сошел с обложки глянцевого журнала: безупречный светло-серый костюм, сшитый по фигуре, облегал его широкие плечи, словно вторая кожа. На нем не было ни единой складочки, ни следа усталости. Его темные волосы были аккуратно убраны назад, открывая жесткие скулы, а в глазах горела та самая хищная, холодная энергия, которая не предвещала мне ничего хорошего.

Он не поздоровался. С порога, даже не замедляя шага, он бросил на мой стол два тяжелых бордовых конверта с золотым тиснением. Уголок конверта чиркнул по столешнице, оставляя легкий след.

— Ветрова, — рявкнул он вместо приветствия. — Билеты. Мы вылетаем в Дубай через четыре часа. Соберись.

Я поймала конверты дрожащими пальцами, чувствуя, как плотная бумага холодит кожу. Внутри что-то звякнуло.

— Дубай? — переспросила я, чувствуя, как от удивления перехватывает горло. — Но я... Даниил Андреевич, у меня даже загранпаспорта с собой нет. Он дома, в тумбочке, в старой папке...

Он перебил меня, закатив глаза. Его жест был быстрым, почти неуловимым: он сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил тонкую красную книжечку и небрежно бросил ее поверх билетов. Мой загранпаспорт. Тот самый, с моей нелепой фотографией в строгой блузке.

— Он у меня, — холодно отрезал он. — Ты забыла его в отделе кадров при оформлении. Вместе с копией трудовой. Я бы сказал, что ты забывчивая, но скорее — ты просто неорганизованная.

Он подошел к моему столу и навис надо мной, продолжая изучать меня тем самым сканирующим взглядом, от которого у меня подгибались колени.

— И да, — добавил он, брезгливо поджав губы, — перестань трястись. Ты выглядишь как мокрая курица. Если ты будешь так трястись перед арабскими шейхами, они решат, что я нанял тебя с улицы.

Я стиснула зубы так, что на скулах заиграли желваки. Он не унимался. Медленно, похозяйски, он прошелся вокруг моего стола, снова оглядывая меня с ног до головы, как экспонат на дешевой ярмарке. На мне было мое вчерашнее платье — серый пиджак из дешевого полиэстера, который топорщился на плечах, и юбка-карандаш, чуть длиннее, чем нужно, чтобы скрыть дешевизну ткани.

— В этом? — он указал пальцем на мой наряд, не прикасаясь, словно боялся испачкаться. — В этом ты собралась лететь в Дубай? Ты опозоришь меня перед арабскими партнерами. У тебя что, совсем нет вкуса, Ветрова? Или ты думаешь, что «офисный стиль» — это когда одежда чистая и без дырок?

Я молчала. Я не могла сказать ему, что мой гардероб состоит из трех футболок, одних джинсов и этого пиджака. Что на «Авито» я покупала вещи с рук, которые кто-то носил годами до меня. Говорить об этом сейчас было выше моих сил — это обнажило бы меня до последней нитки.

— Ясно, — выдохнул он, словно прочитал мои мысли и нашел их глубоко отвратительными. В его руке, откуда-то из внутреннего кармана, появилась черная корпоративная карта с серебряным логотипом. Он протянул ее мне, зажав между указательным и средним пальцами, словно вручал подачку. — Едем в бутик. Я лично прослежу, чтобы ты не выглядела как провинциальное пугало, когда мы приземлимся в Эмиратах.

Унижение обожгло щеки, и я почувствовала, как кровь приливает к лицу, но рука сама потянулась к карте. Пластик был холодным, тяжелым и пах новой кожей. Мама. Операция. Долг. Я сжала карту в кулаке и повторила это про себя как мантру, пока шла за ним к лифту.

Бутик в «Москва-Сити» открыл свои двери специально для него — нас встретили на пороге, не дожидаясь открытия. Внутри пахло жасмином и дорогой кожей. Мягкий, теплый свет лился с потолка, отражаясь от хрустальных люстр, а на бархатных подушках лежали сумки, цена каждой из которых равнялась моей годовой зарплате.

Высокая блондинка-консультант — с идеальным маникюром и настолько белоснежной улыбкой, что она казалась фарфоровой — порхала вокруг Даниила, словно бабочка вокруг дорогого пламени. Но он не замечал ее. Он полностью сосредоточился на мне.

— Это, — он ткнул пальцем в вешалку с облегающим платьем цвета темного изумруда. Серебряные нити переливались на свету. — И это. И это тоже. И вон то, вишневое, в углу.

В моих руках росла гора из шелка, атласа и кружева. Ткани струились, скользили, пахли французскими духами, которыми их опрыскали в магазине. Я зашла в просторную примерочную, задернула тяжелую бархатную штору и мечтала только об одном — провалиться сквозь мраморный пол.

Стянув с себя дешевый пиджак, я скользнула в первое платье. Изумрудный шелк обтянул мои плечи, грудь и бедра так плотно, словно меня закатали в дорогую фольгу. Я боялась даже вдохнуть полной грудью, чувствуя, как ткань натягивается при малейшем движении.

— Выходи, — скомандовал его голос из-за шторы. — Я не собираюсь ждать вечность.

Я отдернула бархатную занавеску, и свет софитов ударил мне в глаза. Даниил сидел в кожаном кресле, закинув ногу на ногу, и в его руке был стакан с минеральной водой. Он поднял глаза — и замер. Стакан остановился на полпути к его губам, и его взгляд медленно, очень медленно прошелся от моих ключиц к талии и ниже, задержавшись на линии бедер. Я физически ощущала этот взгляд, словно он был горячим прикосновением, от которого по коже побежали мурашки.

— Повернись, — велел он, и голос его сел, став чуть хриплым.

Я повернулась, чувствуя, как горят кончики ушей. В зеркале напротив я видела, как он изучает меня, и его лицо оставалось непроницаемым. Только пальцы, сжимающие бокал, чуть заметно дрогнули.

— Неплохо, — прокомментировал он наконец, и в голосе послышалась та самая циничная усмешка. — Сзади объем совсем отсутствует, но перед компенсирует. Берем. Следующее.

Меня передернуло от его тона. Он обсуждал мою фигуру, как мясо на витрине, как товар в лавке. Я нырнула обратно в примерочную, сжимая зубы, и стянула платье. От злости у меня дрожали руки. Второе платье было алым, с разрезом до бедра — длинная, шелковая туника, которая при каждом шаге открывала ногу. Третье — черное, строгое, с идеальным покроем, но с вырезом на спине до самой поясицы, обнажающим лопатки.

— Последнее — на деловую встречу, — бросил он, когда я показалась в черном. — Убери волосы в пучок, чтобы виден был вырез. И сними эти бабушкины туфли. Консультант, принесите ей лодочки, тридцать восьмой, на высокой шпильке.

В этот момент у него зазвонил телефон. Громко, настойчиво, вибрация разнеслась по тихому бутику. Даниил глянул на экран, и его лицо неувовимо изменилось. Скулы заострились, челюсть напряглась, а в глазах, только что смотревших на меня с любопытством, появилась сталь.

— Вероника, — произнес он в трубку ледяным, почти шипящим тоном, отходя в сторону к витрине.

Я замерла в примерочной, сжимая в руках черные туфли-лодочки, которые мне только что подали. Вероника. Еще одно женское имя. Сначала Лера, потом Вероника. Кто все эти женщины? Его бывшие? Его настоящие?

— Я занят, — отрезал он. — Нет, сегодня невозможно. Я улетаю. Что значит «ты жаж- дешь встречи»? Мы все обсудили полгода назад.

Пауза. Я видела в зеркале, как его глаза потемнели, превратившись в две черные дыры.

— Вероника, я не из тех, кто повторяет дважды. Если ты появишься в моем офисе без приглашения, охрана выведет тебя в наручники. Всего доброго.

Он сбросил звонок и резко повернулся ко мне. Его лицо было словно вырезано из камня.

— Ты еще не готова? Время — деньги, Ветрова! Если ты не выйдешь через тридцать секунд, я оставлю тебя здесь и улечу один.

Я вылетела из примерочной, на ходу застегивая на ногах черные шпильки. Они сидели идеально, как влитые, и я чувствовала себя в них высокой, почти уверенной. Но взгляд Дани- ила, скользнувший по моей спине, сказал мне, что в моей уверенности он не нуждается. Он уже уходил к выходу, бросив на кассу карту, и мне оставалось только бежать за ним, как вер- ной тени.

Глава 6. Ледяной комплимент

Частный джет «Морозов Индастриз» оказался даже роскошнее, чем я могла себе представить. Внутри пахло свежей кожей, дорогим парфюмом и едва уловимым запахом корицы. Белые кожаные кресла, инкрустированные золотом, массивный бар с хрустальными бокалами, огромный плазменный монитор для конференций. Это был не самолет — это был летающий пентхаус.

Я вжалась в кресло у иллюминатора, чувствуя, как холодная кожаная обивка холодит мои обнаженные плечи. Даниил расположился напротив, расстегнул пиджак и разложил на столике перед собой ноутбук. Он не смотрел на меня, полностью сосредоточившись на экране.

— Через пятнадцать минут у меня видеозвонок с партнерами из Эмиратов, — сообщил он, не поднимая глаз. — Сиди тихо, не отвечивай. Твое присутствие здесь — исключительно формальность. Ты — декорация к подписи контракта.

Я молча кивнула и уставилась в иллюминатор. Пушистые белые облака проплывали внизу, озаренные ярким солнцем, а под ними простиралась ровная, безмолвная бесконечность. Через четверть часа в салоне раздался резкий, сухой голос с характерным арабским акцентом — громкая связь была включена.

Переговоры шли на безупречном английском, который я понимала неплохо, но суть цифр и процентов ускользала от меня. Речь шла о каких-то контрактах на поставку нефтегазового оборудования. Даниил говорил жестко, спокойно, напирая на цифры и проценты, но в какой-то момент арабский партнер завелся. Он начал сыпать юридическими терминами, ссылаясь на какие-то пункты договора, и требовал от российской стороны штраф в два миллиона долларов.

— Форс-мажор не освобождает вас от неустойки! — гремел голос из динамика. — Российская сторона нарушила пункт о сроках таможенной очистки! Два миллиона, Морозов! Или мы прекращаем сотрудничество!

Повисла пауза. Даниил чуть сузил глаза, просчитывая ходы, но его лицо оставалось непроницаемым. Его пальцы нервно отбивали дробь по колену. И в этот момент я, сама не понимая зачем, открыла рот.

— Юрисдикция эмирата Дубай не признает форс-мажором задержку таможенного оформления, если она вызвана внутренними процедурами третьей страны, — произнесла я тихо, но четко, глядя прямо в панель динамика. В горле пересохло, но голос не дрогнул. — Пункт 14.2 Венской конвенции в редакции, принятой ОАЭ в 2019 году. Ваше требование о штрафе неправомерно.

В салоне джета воцарилась гробовая тишина. Голос на том конце замолчал — слышно было только шуршание бумаг, видимо, партнер судорожно проверял мои слова. Я смотрела на Даниила и видела, как его лицо медленно поворачивается в мою сторону. В его серых глазах читалось выражение, которое я не могла расшифровать. Изумление? Скрытый интерес? Опасное, почти хищное любопытство?

— Ваш юрист прав, — нехотя признал голос из динамика. — Отзываем претензию по штрафу. Продолжим по основному договору.

Даниил закончил переговоры за десять минут. Он отключил связь, откинулся в кресле и уставился на меня. Долго. Слишком долго. Я ежилась под этим пристальным взглядом, чувствуя, как перешла какую-то невидимую границу, за которую ступать не следовало.

— Откуда? — спросил он наконец. Голос прозвучал тихо, без обычной язвительности. В нем не было насмешки, только чистое, холодное любопытство.

— Я изучала международное право в университете, — призналась я, и мой голос дрогнул от напряжения. — У меня красный диплом, Даниил Андреевич. Я могу не только заваривать кофе и не проливать его на бумаги. Я не просто «провинциальное пугало».

Он усмехнулся. Это была не злая, колкая усмешка, а скорее... заинтересованная. Он взял со столика высокий стакан с виски, поднес его к губам и, не отрывая от меня взгляда, отсалютовал.

— Ветрова, ты полна сюрпризов, — протянул он, и в его голосе мелькнула нотка чего-то, похожего на уважение. — Пожалуй, впервые за месяц ты меня не разочаровала.

Это прозвучало почти как комплимент. Почти. Я почувствовала, как внутри меня разливается странное тепло, которое я тут же постаралась загасить. Не смей, сказала я себе. Дьявол не дает комплиментов просто так.

Отель в Дубае, куда мы приехали спустя несколько часов, был ослепительно роскошен. Нас встретил сухой, горячий воздух, пропитанный запахом жасмина, и оглушающий блеск золота и мрамора. Хрустальные люстры размером с мою московскую квартиру свисали с высоченных потолков, отражая свет тысяч ламп.

Я семенила за Даниилом через бесконечный холл, волоча свой чемодан и чувствуя, как высокие шпильки, купленные в том бутике, предательски впиваются в ноги, натирая кожу.

— Президентский люкс на имя Морозова, — коротко бросил он на ресепшене. Администратор, молодая арабская девушка с ослепительной улыбкой, кивнула и, не задавая лишних вопросов, протянула ему единственную ключ-карту.

Когда мы подошли к массивным дверям люкса, я не выдержала.

— Подождите, — запротестовала я, чувствуя, как паника снова подступает к горлу. — Вы сказали, у нас будут отдельные номера. Где мой номер?

Он открыл дверь и, пропуская меня вперед, вошел следом. Люкс оказался огромным — с панорамными окнами, выходящими на Персидский залив, мягкой белой мебелью, огромной джакузи в углу, уставленной лепестками роз. В центре располагалась просторная гостиная, из которой была видна огромная спальня с королевской кроватью. А в углу, у самого входа, стоял маленький кожаный диванчик — настолько крошечный, что на нем невозможно было даже вытянуть ноги.

— Где я буду спать? — спросила я, и голос мой сорвался на фальцет.

— На диване, — пожал плечами Даниил, снимая пиджак и небрежно бросая его на спинку кресла. — По контракту твой график круглосуточный. Если мне в три ночи понадобится кофе или свежие документы, ты должна быть в шаговой доступности. Или ты думала, я плачу твой кредит за красивые глаза, Ветрова?

— Это неэтично! — выпалила я, чувствуя, как ярость и обида закипают в груди. — Я женщина, а вы...

Он резко повернулся и в два шага оказался прямо передо мной. Близко. Слишком близко. Я ощутила жар его тела, исходящий от кожи, и запах дорогого парфюма — тот самый, с ледяными нотками сандала и мускуса, который, казалось, был его неотъемлемой частью.

— Послушай меня, Фиалка, — произнес он вкрадчиво, и от его низкого, вибрирующего тона у меня по спине побежали мурашки. — Если бы я хотел затащить тебя в постель, поверь, ты была бы там еще в Москве. Мне не нужно для этого заманивать тебя в Дубай и селить с собой в люкс. Ты — сотрудник. Инструмент. Расслабься и выполняй свою работу. Спи на диване, на полу или стой всю ночь — мне абсолютно безразлично.

Он отвернулся и ушел в спальню. Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ним с отчетливым, громким щелчком, отрезая меня от всего остального мира. Я осталась стоять посреди огромной, безмолвной гостиной, оглушенная его словами. «Инструмент». «Расслабься». Это должно было меня успокоить, дать понять, что я в безопасности. Но почему-то от этих слов внутри стало еще больнее. словно он вычеркнул меня из списка живых людей, поставив в один ряд с офисным принтером или кофемашиной.

Ночью я не могла уснуть. Диван был жестким и коротким — мои ноги свешивались с края, упираясь в холодный мраморный пол. В гостиной работал кондиционер, и по коже бегали

мурашки от ледяного воздуха. Из-за двери спальни не доносилось ни звука — ни шагов, ни дыхания.

Я встала, кутаясь в тонкий гостиничный халат, и вышла на просторный балкон. Дубай сиял внизу, расстилаясь мириадами золотых, белых и бирюзовых огней. Персидский залив, темный и спокойный, шептал у берега, отражая огни небоскребов. Теплый, влажный ветер трепал мои волосы, касался щек. Я смотрела на эту чужую, роскошную, нереальную сказку — и чувствовала себя бесконечно одинокой. Маленькой, чужой и никчемной.

Перед глазами всплыло лицо мамы. Ее бледные руки на больничном одеяле, тонкие трубки капельниц, впивающиеся в кожу, ее уставшие, но родные глаза. «Алиска, не плачь, всё будет хорошо, доченька...»

Я держалась из последних сил. Держалась, когда меня унижали в бутике. Держалась, когда он приказывал мне молчать в самолете. Держалась, когда он называл меня «инструментом». Но здесь, на этом балконе, под чужими звездами, я сломалась.

Слезы потекли беззвучно. Я прикусила губу, чтобы не зарыдать в голос, но плечи предательски вздрагивали. Горячая соленая влага стекала по щекам, капала на халат, и я, всхлипывая, задыхаясь, не могла остановиться. Мама. Мамочка. Я так далеко от тебя. Я так стараюсь тебя спасти. Прости, что меня нет рядом. Прости, что я продала свою жизнь этому холодному, бездушному человеку, чтобы ты могла жить. Прости, что я такая слабая.

Я не услышала, как открылась балконная дверь из спальни. Не заметила, как темная фигура замерла в нескольких метрах от меня в тени. Даниил стоял в проеме, опираясь плечом о косяк, и слушал мои всхлипы. Его лицо было скрыто ночной темнотой, но руки, скрещенные на груди, побелели от напряжения на костяшках. Он не сказал ни слова. Не шагнул ко мне. Он просто стоял и слушал, как я оплакиваю свою сломанную жизнь, и в его молчании было что-то тяжелее любых резких слов. Когда я, обессиленная и опустошенная, вернулась в гостиную и, рухнув на диван, провалилась в тревожный, тяжелый сон, я не знала, что он так и остался стоять на балконе, глядя на ночной город, и его челюсть была крепко сжата.

Утро встретило меня невероятно ярким аравийским солнцем, которое пробивалось сквозь тонкие шторы, и пьянящим запахом свежего кофе. Я с трудом открыла опухшие от слез глаза и увидела на низком столике перед диваном серебряный поднос. На нем стояла чашка дымящегося черного кофе, тарелка с круассанами, крошечная вазочка с джемом и стакан свежавыжатого апельсинового сока. Рядом лежала записка, исписанная тем самым летящим, резким почерком. Острые, колющие буквы, которые вчера приносили только боль, сегодня выглядели почти мягко:

«Через час выезжаем на переговоры. Приведи себя в порядок. И Ветрова... черное платье сегодня не надевай, в нем ты выглядишь как на похоронах. Надень зеленое. М.»

Я перечитала ее трижды. Ни одного язвительного замечания о моем вчерашнем срыве. Никакой критики. Никакой «Фиалки». И — господи, неужели это правда? — он заказал для меня завтрак.

Я подняла глаза к спальне. Дверь была открыта. Даниил, уже одетый в новый, безупречный серо-голубой костюм, стоял у панорамного окна и пил свой кофе, глядя на бирюзовую гладь залива. Он не обернулся, не сказал ни слова. Но почему-то в это утро тишина между нами была не враждебной. Она была... другой. Почти мирной.

Я взяла круассан в руки, чувствуя, как теплая, хрустящая корочка ломается под пальцами, и как в груди что-то робко и несмело теплеет. Одно крошечное проявление человечности — и мое предательское сердце, забыв о контрактах и унижениях, уже было готово простить ему всё.

Дура, сказала я себе, откусывая кусочек. Не смей. Это просто затишье перед бурей. С Дьяволом не бывает просто. С Дьяволом всегда есть подвох.

Но круассан на вкус был божественным, и зеленое платье, как он и сказал, сидело на мне идеально. А я, сама того не замечая, начинала привыкать к этому чужому, опасному миру, где даже самый жестокий босс мог утром накормить меня завтраком и оставить записку без единого оскорбления.

Глава 7. Невеста по контракту

Ресторан «Аль-Маха» находился на высоте, от которой захватывало дух. Панорамные стеклянные стены создавали иллюзию, что мы парим над сияющим Персидским заливом, словно в летающей хрустальной клетке. Внутри воздух был густым и пряным — он пах шафраном, нагретым деревом и сладкими цветочными духами, которые, казалось, источал сам интерьер.

Мягкий, золотистый свет свечей дрожал на поверхностях столов, отражаясь от ледяных бокалов с водой, от дорогой посуды. Мы шли за Даниилом к столику, и я чувствовала, как изумрудный шелк платья облегает каждое моё движение, шелестя при каждом шаге. Высокие шпильки на каблуках слегка постукивали по мраморному полу, и этот звук казался здесь единственным, кроме приглушенной музыки струнного оркестра в углу.

Нас уже ждали. Трое мужчин в традиционных арабских одеждах — длинных белоснежных кандурах с золотым шитьем, с головными платками, скрепленными черными шнурами. Главный из них, шейх Халид, поднялся нам навстречу. Ему было лет пятьдесят — смуглое лицо, густая черная борода с проседью, и пронзительные, цепкие глаза, которые при виде нас мгновенно вспыхнули живым, оценивающим интересом.

— Даниил, друг мой! — произнес он на безупречном английском с мягким гортанным акцентом. Он крепко пожал руку Даниилу, но его взгляд задержался на мне. Он скользнул по моему лицу, по открытому вырезу платья, по обнаженным запястьям. Это длилось всего секунду, но она показалась мне бесконечной. Я почувствовала, как жар приливает к шее. — Ты не говорил, что твоя помощница — настоящая жемчужина. Она словно сошла с картины восточного художника.

Я выдавила из себя вежливую, натянутую улыбку и, опустив взгляд, скользнула на предложенный стул рядом с Даниилом. Стол был уставлен серебряными подносами с закусками — пахло копченой рыбой, оливковым маслом и свежей зеленью. Я взяла в руки приборы, но пальцы слегка дрожали.

Переговоры начались. Даниил говорил на английском спокойно, холодно, твердо, но по мере того как разговор заходил о цифрах, о стоимости баррелей и процентах, я чувствовала, что шейх то и дело бросает взгляды в мою сторону. Он делал вид, что слушает Морозова, но его глаза предательски возвращались к моим плечам, к линии моего декольте. Я чувствовала себя экспонатом на витрине восточного базара. Мои пальцы сжимали вилку так, что побелели костяшки.

Даниил тоже это заметил. Я видела краем глаза, как напряглась его челюсть — острые скулы стали еще резче, а на виске, словно в такт тяжелому сердцебиению, забилась голубая жилка. Пальцы его, сжимавшие бокал с ледяной водой, побелели до синевы. Он говорил о марже, но в его взгляде, устремленном на шейха, была сталь.

Шейх подался вперед, игнорируя Даниила, обращаясь прямо ко мне.

— Мисс Ветрова, — промурлыкал он, улыбаясь, — я приглашаю вас продолжить этот вечер в моем поместье. У меня есть сад, который по праву считается одним из красивейших в Эмиратах. Я устрою для вас индивидуальную экскурсию, пока ваш босс будет обсуждать свои скучные нефтяные дела.

В воздухе повисла пауза. Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— Боюсь, это невозможно, — внезапно произнес Даниил. Его голос был ледяным, острым, как лезвие. Он откинулся на спинку стула и медленно, нарочито неторопливо, положил свою руку на спинку моего стула. Собственническим жестом, защитным, почти хищным. — Моя невеста не посещает частные поместья без меня.

Тишина повисла над столом. Музыка оркестра, казалось, отдалилась. Я поперхнулась воздухом и уставилась на Даниила — на его жесткий, непроницаемый профиль. Невеста? Что он несет?!

Шейх приподнял густую бровь, и его взгляд стал острее, пронзительнее.

— Твоя невеста? Даниил, друг мой, ты никогда не упоминал, что связан узами брака... или помолвки.

— Мы не афишируем это, — плавно перебил его Даниил. Он повернул голову ко мне. В его серых глазах горел железный приказ: подыграй. — Дорогая, — произнес он, глядя мне прямо в глаза, — ты же знаешь, я не люблю, когда посторонние мужчины слишком пристально тебя разглядывают.

«Дорогая». Он назвал меня «дорогая». Тем же тоном, каким вчера говорил «Ветрова, ты опять опоздала». Но взгляд шейха, буравивший меня, требовал немедленной реакции. Если я сейчас замешкаюсь, если выдам себя, — это будет провалом.

Сердце бешено забилося где-то в горле. Я не могла подставить Даниила. Контракт. Мама. Деньги.

Я заставила себя улыбнуться и, сама не веря в свою дерзость, медленно положила свою ладонь ему на плечо. Сквозь ткань дорогого пиджака я почувствовала, как его мышцы мгновенно закаменели, как они напряглись под моим прикосновением. Я чувствовала жар его тела, который просачивался даже сквозь одежду.

— Да, Халид, спасибо за приглашение, — проворковала я самым светским, томным тоном, на который только была способна. — Но мы с Даниилом не расстаемся даже на минуту.

Шейх учтиво, с легким разочарованием, склонил голову. Переговоры возобновились, и шейх уступил по цене, которая была для «Морозов Индастриз» почти грабительски выгодной. Наша маленькая ложь стоила ему миллионов.

Моя ладонь всё еще лежала на плече Даниила. Он не сбросил её. Но я чувствовала, как его рука, лежавшая на спинке стула, медленно опустилась и накрыла мои холодные пальцы. Его прикосновение было обжигающе горячим, сухим, и я слышала, как гулко, тяжело бьется его сердце — или мне это только казалось в тишине?

— Подпишем контракт, — произнес шейх Халид через полчаса. Он поставил размашистую подпись на бумагах, закрепил печатью и поднял бокал с соком. — И позвольте поздравить вас с помолвкой, — сказал он. — Желаю вам столько же детей, сколько звезд в нашей пустыне.

Я почувствовала, как краска заливает щеки. Даниил выдавил из себя скупую, жесткую улыбку. Когда партнеры, наконец, удалились, оставив нас вдвоем в опустевшем ресторане, в котором теперь звучала только спокойная, равнодушная музыка, всё изменилось в одно мгновение.

Даниил резко убрал свою руку и, словно я была прокаженной, стряхнул мою ладонь с плеча.

— Свободна, — процедил он, вставая и нервно поправляя пиджак, одергивая его. — Спектакль окончен.

Я опешила от этой внезапной, ледяной перемены. От ослепительного света в глазах шейха до этого смертельного холода в его взгляде.

— Спектакль? — переспросила я, чувствуя, как внутри закипает обида. — Вы сами это затеяли! Я просто подыграла вам, чтобы спасти сделку...

— Слишком убедительно подыграла, — оборвал он, даже не глядя на меня. Он смотрел куда-то в окно, на огни вечернего Дубая. — Твои прикосновения были... липкими. В следующий раз достаточно просто молчать и смотреть в тарелку. Ясно?

«Липкими». Это слово ударило меня наотмашь, как пощечина. Я вскочила со стула, и стул с грохотом отъехал, ударившись о мраморную колонну. Ярость, которая копилась во мне

все эти дни — чашка кофе, разорванное резюме, кличка «Фиалка», ночь на жестком диване, — прорвалась наружу.

— Знаете что, Даниил Андреевич? — мой голос звенел от гнева. — Вы бездушный робот! Вы прячетесь за своими деньгами и ледяным тоном, потому что внутри вы — пустой! Вы не умеете ни любить, ни чувствовать! Вы — машина, которая только и умеет, что уничтожать всё вокруг!

Он медленно повернулся ко мне. Его глаза сверкнули такой яростной сталью, что я невольно отступила на шаг, вжавшись в спинку стула.

— Закрой рот, Ветрова, — произнес он. Его голос был тихим, но в этом шепоте слышалось больше угрозы, чем в любом крике. — Ты ничего обо мне не знаешь. Ни-че-го.

— А вы не даёте шанса узнать! — выпалила я, чувствуя, как по щекам текут слезы ярости. — Потому что боитесь! Боитесь, что кто-то увидит — под маской Дьявола скрывается просто сломанный человек! Вы просто трус, Морозов! Вы...

— Я сказал — закрой рот!

Он в два шага пересек пространство между нами и схватил меня за локоть. Его хватка была железной, он практически потащил меня к выходу, лавируя между столиками. Я не сопротивлялась — я всё ещё дрожала от адреналина, выплеснутого в этой вспышке гнева.

У дверей нас встретил личный водитель-араб в черной форменной рубашке. Он обеспокоенно глядел на небо, которое за несколько последних минут неуловимо изменило цвет — с нежного бирюзового на тяжелый, свинцово-оранжевый.

— Господин Морозов, — сообщил он на ломаном английском, его голос дрожал. — Хабуб. Песчаная буря. Она надвигается очень быстро. Дорогу до отеля перекроют через десять минут. Надо спешить.

— Тогда жми на газ, — бросил Даниил, практически запихивая меня на заднее сиденье черного внедорожника.

Мы не успели. Мы выехали на шоссе, когда буря налетела, словно гнев самого Аллаха, — внезапно, безжалостно.

Глава 8. Сквозь песок и лед

Небо изменилось за считанные секунды. Солнце, еще минуту назад яркое, просто исчезло, будто его стерли ластиком. Мир за окнами джипа превратился в единую ревущую стену — оранжево-коричневую, плотную, вязкую. Стекло мгновенно залепило песком, и видимость упала до нуля. Мы двигались на ощупь, в кромешной тьме, где единственным ориентиром был рев ветра и хруст песка, бьющего по кузову.

Машина кашлянула. Двигатель чихнул, вздрогнул, потом закашлялся еще раз — и, жалобно вздохнув в последний раз, заглох. В салоне повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра и шорохом песка, осыпавшего металл.

Водитель резко выругался по-арабски, яростно ударив ладонями по рулю. Он схватил рацию, нажал кнопку вызова, но из динамика доносилось только шипение. На его лице отразился страх, когда он повернулся к нам.

— Связи нет, господин, — сказал он, сглатывая. — Буря блокирует весь сигнал. Мы застряли. Намертво.

Я перевела взгляд на Даниила. В салоне было душно, и по мере того как кондиционер отключался, жар начинал нарастать. В глазах Даниила впервые за всё время нашего знакомства не было ни льда, ни ярости, ни привычной колкой насмешки. Там была... растерянность. И боль. Глухая, затаенная боль. Я видела, как он судорожно держится за свою правую руку, и заметила, что под тканью пиджака на белой рубашке медленно, но верно проступает темное, влажное пятно.

— У вас рука, — начала я, указывая взглядом на пятно. — Она кровоточит. Швы разошлись...

— Заткнись, — прохрипел он, но голос его был не тот — слабый, надтреснутый. На его лбу выступили крупные капли испарины, которые скатывались по вискам. Его дыхание стало тяжелым, он привалился плечом к дверце, словно удерживать собственный вес было слишком трудно.

Водитель, пробормотав что-то про помощь, натянул куфию на лицо, до самого носа, и выскочил из машины в ревущую песчаную стену, растворившись в ней за секунду. Он хотел пройти несколько метров, туда, где, как ему казалось, мог быть сигнал. Дверца захлопнулась, и мы остались вдвоем.

Время в машине потекло как густой, вязкий мед. Час. Два. Три. Водитель не возвращался. Песок шуршал о стекла, как тысячи крошечных, злых коготков, царапающих поверхность. Воздух в салоне становился тяжелым, влажным, с запахом пота, старой кожи и металла.

— Воды... — прошептал Даниил запекшимися, потрескавшимися губами. Его голова откинулась на подголовник, глаза были полузакрыты.

Я наклонилась, пошарила рукой под сиденьем и нащупала пластиковую бутылку минералки. Одна. Одна на двоих. Я открутила крышку и, придерживая его за затылок, поднесла бутылку к его губам. Он сделал несколько жадных глотков, вода потекла по подбородку, и он с силой оттолкнул мою руку.

— Пей сама, — прохрипел он, отворачиваясь. — Не хватало еще, чтобы ты тут в обморок грохнулась.

Я сделала крошечный глоток, просто чтобы смочить пересохшее горло, и закрутила бутылку. Его дыхание становилось все тяжелее, он расстегнул ворот рубашки, обнажая шею, и я увидела, что эластичная повязка на руке пропиталась кровью. Ему было плохо. Очень плохо.

— Что с вашей рукой? — спросила я тихо, глядя на него в полумраке. — Это старая травма?

Он долго молчал, глядя в песчаную, оранжевую мглу за окном. Ветер завывал, и стекла дрожали. Потом он заговорил. Его голос был глухим, хриплым и надломленным, таким, каким я его еще никогда не слышала.

— Авария, — произнес он, не глядя на меня. — Шесть лет назад. Мы с родителями возвращались из загородного дома. Дождь. Мокрая трасса. Лось выскочил на дорогу... Отец резко крутанул руль, чтобы не врезаться в него. Машина ушла в кювет и перевернулась. Трижды.

Он замолчал. Я замерла, боясь даже вздохнуть, боясь спугнуть момент откровения.

— Меня вытащили из покоренной машины, — продолжил он с огромным трудом. — С множественными переломами. Рука была раздроблена в трех местах. Врачи сказали — инвалидность, больше никогда не смогу держать даже ручку. Я провел год на обезболивающих, поднимал мышцы, через боль разрабатывал суставы. Прошел семь операций, семь, чтобы просто вернуть подвижность... Но родители...

Его голос прервался. Он не плакал. Даниил Морозов не умел плакать. Но его слова были пропитаны такой невыносимой, глухой болью, что мне стало трудно дышать. Я чувствовала каждый звук, каждую паузу.

— Отец умер на месте, — выдохнул он, и слова упали в тишину как камни. — Мать — в реанимации через сутки. Мне было двадцать три. Я остался один. С компанией. С долгами отца, которые никто не хотел отдавать, и с рукой, которая не работала. Меня хотели сожрать, Ветрова. Совет директоров, партнеры, так называемые друзья... Все хотели урвать мой кусок. И тогда я понял: миром правит страх. Если ты не можешь быть любимым — будь тем, кого боятся.

Он замолчал. В салоне воцарилась тишина, только песок продолжал шуршать о металл корпуса. Я смотрела на его измученное, бледное лицо, на взмокшие темные волосы, прилипшие ко лбу, на кровь, сочащуюся сквозь повязку, и видела не Дьявола. Не жестокого босса, не ледяного манипулятора. Я видела выжившего мальчика. Мальчика, который потерял всё и построил вокруг себя крепость из льда, потому что иначе не умел.

Моя рука сама потянулась к его ладони. Инстинктивно, без разрешения. Без спроса. Без страха. Я накрыла его длинные, холодные пальцы своей ладонью и сжала их. Его рука была ледяной, несмотря на духоту в салоне, и дрожала.

— Мне очень жаль, Даниил, — прошептала я. — Мне правда очень жаль.

Он дернулся, словно от удара током. Попытался вырвать свою ладонь, но я держала крепко, вложив в это усилие всю свою решимость. Его глаза встретились с моими — в них бушевала целая вселенная чувств. Недоверие, боль, страх, гнев — и что-то еще, чему я не знала названия.

— Не смей меня жалеть, — прошептал он, но его пальцы всё еще были в моей руке. — Я не нуждаюсь в твоей жалости.

— Это не жалость, — ответила я тихо, чувствуя, как он медленно, едва заметно перестает сопротивляться. — Это человечность. Просто человечность, Даниил.

Он ничего не ответил. Но его пальцы дрогнули, а потом сжались вокруг моих в ответном движении. И мы сидели так — посреди ревущей, оранжевой песчаной бури, затерянные в пустыне, держась за руки. Мы смотрели, как за окнами постепенно начинает бледнеть мгла, как сквозь плотную завесу песка пробиваются первые проблески вечернего заката, окрашивая небо в багровый и золотой.

Где-то там, снаружи, выл ветер, швыряя песок в стекло, а в машине, в тесноте кожаных сидений, ледяная крепость Даниила Морозова дала свою первую, едва заметную трещину.

И я, простая девчонка с окраины Москвы, кажется, провалилась в эту трещину, даже не заметив этого.

Глава 9. Песок и кровь

Тишина, наступившая после бури, была неестественной, звенящей. Она давила на уши, заставляя слышать собственное сердцебиение. Песок за окнами джипа лежал ровными, бархатистыми волнами, переливаясь перламутром в свете первых лучей солнца, пробивавшихся сквозь мутное небо.

— Хабуб утих, — произнес водитель, его голос был хриплым и надтреснутым. Он смотрел на небо, и в его глазах читалась усталая благодарность. — Сейчас придет помощь. Я слышу сирены.

Действительно, где-то вдалеке, за песком, раздавался нарастающий вой сирен. Я смотрела на Даниила. Он сидел, привалившись к дверце, его лицо было мертвенно-бледным, под глазами залегли глубокие, черные тени. Правая рука, перевязанная бинтом, висела безжизненной плетью, и я видела, как под тканью проступает влажное, алое пятно. Он дышал — прерывисто, неровно — но глаза были закрыты. Он терял сознание.

Помощь пришла так же внезапно, как и буря. Два черных внедорожника с мигалками, выкрашенные в цвета полиции и скорой помощи, с визгом затормозили рядом с нами. Из них выскочили люди в униформе — спасатели, врачи, военные. Они бежали к нашей машине, поднимая облачка песка, перекрикиваясь на арабском и английском.

Я не помню, как меня вытащили из машины. Помню только, как чьи-то сильные, грубые руки ухватили меня за плечи, как меня оттащили в сторону, в безопасное место. Кто-то кричал: «Проверьте пульс! Дайте ей воды!» Я слышала это как сквозь вату.

Но я видела другое. Я видела, как двое спасателей с трудом вытаскивают Даниила из внедорожника. Он был без сознания, его голова безвольно моталась из стороны в сторону. Я видела, как его правую руку, перепачканную кровью и песком, несут на носилках, как его лицо искажено гримасой боли даже в бессознательном состоянии.

Они уже несли его к машине скорой, когда я рванулась вперед, вырываясь из рук удерживавшего меня спасателя.

— Я с ним! — закричала я, чувствуя, как песок скрипит на зубах. — Я его невеста! Я должна быть рядом!

Спасатель, молодой парень в камуфляжной форме, преградил мне путь, выставив руку вперед.

— Мадам, вам нужно обследование. Вы провели ночь в пустыне...

— Плевать мне на обследование! — я почти выкрикнула это, глядя ему прямо в глаза. — Он ранен! Мне нужно быть с ним!

Не знаю, что сыграло роль — мой отчаянный вид, грязное, изорванное зеленое платье, которое прилипло к телу, или стальная решимость, застывшая в моих глазах. Но он отступил и жестом указал на машину скорой.

— Садитесь.

Я вскочила в кузов машины скорой и села на узкую лавку рядом с каталкой, на которой лежал Даниил. Внутри пахло лекарствами, спиртом, металлическим запахом крови и свежим, стерильным бельем. Врачи уже сустились вокруг него, срезая бинт, пропитанный кровью и песком. Я сжимала его холодную, безжизненную ладонь, чувствуя, как его пальцы вяло лежат в моей руке.

Машина с воем сорвалась с места, и сирены прорезали утренний воздух, унося нас прочь от этого проклятого песка.

Всю дорогу до госпиталя Даниил метался. Он хрипел, бормотал что-то бессвязное. Сначала я слышала обрывки фраз о контрактах, о совете директоров, о каких-то процентах и «Ста-

рикове». Но потом, когда его лицо исказилось, и на лбу выступили капли пота, он прошептал имя. Тихо, почти беззвучно, словно обращаясь к призраку.

— Лера...

Я замерла. Пальцы, сжимающие мою ладонь, внезапно стали требовательными, сильными, сжались с такой силой, что я почувствовала боль. Даже в беспамятстве он цеплялся за меня, как за спасательный круг, но в его бреде он думал, что держит другую.

— Лера, не уходи... — прошептал он снова, и в его надтреснутом, хриплом голосе прозвучала такая глубокая, такая звериная тоска и беззащитность, что у меня перехватило дыхание. — Пожалуйста... не оставляй меня...

Кто она? Та женщина из телефонного разговора в приемной? Любовь, которую он потерял, которую предал или которая предала его? Или та, кто была рядом, когда он был сломлен, и ушла, оставив его в этой холодной пустоте?

Вопросы жгли меня изнутри, не давая покоя. Я чувствовала, как что-то внутри меня болезненно сжимается. Мне было больно. Больно от того, что он в своем кошмаре зовет не меня, а кого-то другого. «Он думает, что я — другая», — пронеслось в голове. Но я не разжала пальцев. Я держала его ладонь, не обращая внимания на кровь, которая уже начинала засыхать на моей коже, смешиваясь с песком и потом.

Госпиталь был огромным, светлым и холодным. Пахло стерильностью и хлоркой. Меня отнесли в коридор, пока врачи и медсестры бегали вокруг кареты скорой. Я стояла, прижимаясь спиной к прохладной стене, и смотрела, как его катят по коридору в операционную.

Меня никто не трогал. Я была вся перепачкана — песок скрипел на зубах, в волосах, зеленое платье висело ключьями. Ко мне подошел немолодой врач — с усталыми, внимательными глазами и глубокими морщинами, вырезанными бессонными ночами. Он посмотрел на меня, потом на мои руки.

— Вы его невеста? — спросил он, сверяясь с историей болезни, которую держал в руках. — У вас в документах указано: «Алиса Морозова, невеста».

Я не стала отрицать. Я кивнула, чувствуя, как слова застревают в горле. Легенда, придуманная Даниилом для шейха, неожиданно стала моей броней.

— Рука в плохом состоянии, — сказал он, и его голос был ровным, но я слышала в нем усталость. — Послеоперационные швы разошлись, начинается воспаление. Но это не самое страшное.

Он помедлил, словно раздумывая, сколько мне можно рассказать.

— Ваш жених на грани нервного истощения. Полного, мисс. Понимаете? Он не спит, судя по анализам, уже несколько недель. Хронический недосып, постоянный стресс, подавленные эмоции... Его организм работает на пределе. Ему нужен покой. Полный, абсолютный покой. Хотя бы несколько дней. Иначе все это может закончиться куда серьезнее, чем воспаленная рука.

Я молча кивнула. Нервное истощение. Мой всемогущий, ледяной, неуязвимый босс — на грани нервного срыва. Картинка не складывалась в голове, но факты были упрямы.

Через несколько часов Даниила стабилизировали. Руку перевязали заново, наложили новую, чистую повязку, поставили капельницу с антибиотиками и успокоительным. Температура сбилась, но он был бледен и слаб. Врач, осматривая меня, неохотно, под мою полную ответственность, разрешил забрать его в отель, при условии строгого соблюдения постельного режима.

Я оплатила счет корпоративной картой, которую он дал мне в бутике. Пальцы дрожали, когда я ставила подпись. Я везла его в отель в машине скорой, которая была вызвана для перевозки. Я держала его голову у себя на коленях, чувствуя, как он тяжело дышит.

Глава 10. Чашка, разбитая о стену

Следующие два дня слились в один бесконечный, кошмарный водоворот событий. Я не помнила, где начинался день и заканчивалась ночь. Мокрые полотенца, которые я меняла на его лбу, сменялись растворами для питья, которые я вливала в его сухие, потрескавшиеся губы. Часы, проведенные в кресле у его постели, тянулись бесконечно.

Я отменила все звонки. Я отменила все переговоры, которые были запланированы на эти дни. Я даже не смотрела на телефон. Я превратилась в сиделку, в няньку, в его тень — но теперь уже по собственной воле.

Морозов метался в лихорадочном, тяжелом сне, то ненадолго приходил в себя, открывая мутные, ничего не видящие глаза, обводил комнату затуманенным взглядом и снова проваливался в забытие. Один раз, когда я уже собралась выйти, чтобы взять свежей воды, он внезапно схватил меня за запястье — с такой силой, что я чуть не вскрикнула. Его пальцы вцепились в мою кожу, словно он боялся, что я исчезну.

— Не смей уходить, — прохрипел он, и его голос был таким слабым и одновременно таким требовательным, что у меня защемило сердце.

— Я не уйду, — прошептала я, накрывая его руку своей ладонью. — Я здесь. Я никуда не уйду.

Он снова провалился в сон, но его пальцы не разжались до самого утра.

Я вытирала испарину с его лба, поила его с ложечки, меняла повязки под диктовку врача по видеосвязи. Я видела его беспомощным, раненым, без привычной брони из дорогих костюмов и колючих фраз. Я видела его настоящим, и эта правда обжигала меня, пугала и притягивала одновременно.

На третий день лихорадка наконец отступила. Он спал — глубоко, спокойно, размеренно дыша. Я сидела в кресле рядом с его кроватью, сжимая в руках влажное, уже остывшее полотенце, и чувствовала, как мои веки наливаются тяжелым свинцом. Я так и не заметила, как провалилась в глубокий, чуткий сон.

Проснувшись я от странного, теплого ощущения. Кто-то накинул на меня мягкую, тяжелую ткань. Я открыла глаза и увидела, что меня укрыли пледом. Тем самым мягким, кашемировым пледом, который еще вчера лежал в ногах кровати Даниила.

Я подняла голову и встретила с его взглядом. Он стоял надо мной — еще бледный, с темными кругами под глазами, в помятой, влажной рубашке, но его взгляд был ясным, и он снова был собой. Собранным. Опасным. И в его глазах горело что-то новое, что-то, чего я не видела раньше.

— У тебя тушь потекла, — произнес он хрипло, вместо «спасибо». — Выглядишь ужасно, Ветрова.

Но в его голосе не было привычного, ледяного холода. Он звучал мягче, почти интимно. И я заметила, как он поспешно убрал руку, которой только что поправлял край пледа у меня на плечах. Заметил мой взгляд — и отступил на шаг назад.

— Завтра возвращаемся в Москву, — бросил он уже привычным, деловым тоном, отворачиваясь к окну. — И приведи себя в порядок. Ты похожа на огородное пугало. Мне нужно, чтобы моя тень выглядела презентабельно.

Я улыбнулась — впервые за эти дни искренне, без страха. Дьявол возвращался в свою броню, но я уже знала, что под ней скрывается раненый человек. И это знание делало меня сильнее.

Москва встретила нас свинцовым, тяжелым небом и ледяным, колючим ветром, от которого у меня перехватывало дыхание на трапе самолета. Весь перелет Даниил провел молча, уткнувшись в ноутбук и не проронив в мою сторону ни слова. Я пыталась поймать его взгляд,

начать разговор — но он демонстративно надел наушники, словно хотел отгородиться от меня глухой стеной.

Все вернулось на круги своя. Но стало хуже.

На следующее утро после возвращения я нашла на своем столе список поручений, написанный на четырех страницах его летящим, резким почерком. «Разобрать архив за три года, который никому не был нужен», «Сделать выжимку из двухсотстраничного договора на китайском, которого я не знала», «Заказать триста красных роз неизвестной женщине по адресу, которого не существовало». И в самом низу, словно насмешка: «Рассортировать скрепки по размеру».

— Скрепки? — не выдержала я, врываясь в кабинет с папкой бессмысленных отчетов в руках. Мои каблук громко стучали по мраморному полу, нарушая идеальную тишину. — Даниил Андреевич, это откровенное издевательство. Если вы злитесь на меня за что-то — скажите мне прямо в лицо.

Он медленно поднял глаза от бумаг. В его взгляде не было ничего — ни гнева, ни раздражения, ни боли. Только ледяная, стеклянная пустота.

— Я не злюсь, Ветрова, — произнес он, откидываясь на спинку кресла. — Ты недостаточно важна для меня, чтобы я на тебя злился. Просто делай свою работу.

— Моя работа — быть вашим ассистентом, а не девочкой для битья! — выпалила я, чувствуя, как закипает ярость в груди. — Вы меня унижаете!

— Твоя работа — выполнять мои приказы, — отрезал он, его голос стал как сталь. — И если я прикажу тебе сортировать скрепки по цвету, ты будешь сортировать скрепки по цвету. Выйди.

Я вышла, хлопнув дверью так, что стеклянная перегородка угрожающе задрожала. Дубай, пустыня, его откровение об аварии, мое «просто человечность» — все это словно исчезло, стерлось, как не было. Он построил свою стену заново, и эта стена стала вдвое выше, чем раньше.

Вечером, когда пробило десять и офис наконец опустел, я решилась на последнюю попытку. Я заварила в маленькой кухне чай — ромашковый, успокаивающий, купленный в аптеке у метро. Пахло сухой травой и теплом. Я взяла чашку, чувствуя, как горячий фарфор обжигает пальцы, и вошла в кабинет без стука.

Даниил стоял у панорамного окна, глядя на ночную Москву, которая искрилась внизу тысячами огней. Его спина была напряжена, плечи вздернуты, и весь он напоминал натянутую до предела струну, готовую лопнуть в любую секунду.

— Я не просил чай, — произнес он, не оборачиваясь. Голос его звучал глухо.

— Вы не ели целый день, — тихо сказала я, ставя чашку на край стола. — И вы не спали. Я знаю, что врач сказал вам в госпитале. Вам нужен покой. Хотя бы чашка чая. Хотя бы пять минут тишины, Даниил.

— Ты кто? — он резко обернулся, и его голос сорвался на крик, от которого у меня заложило уши. — Кто ты такая, чтобы лезть в мою жизнь? Моя мать? Моя жена? Мой чертов психотерапевт?!

Я отшатнулась, но он надвигался на меня, разъяренный, страшный в своем ледяном гнев.

— Ты — никто, Ветрова! Пустое место! Очередная ассистентка, которая исчезнет через месяц! Не смей строить из себя спасительницу! Не смей думать, что та ночь в пустыне что-то изменила! Мне не нужна твоя чертова жалость, твой чай и твои влажные, щенячьи глаза!

— Я просто хотела помочь! — выкрикнула я в ответ, чувствуя, как слезы обиды обжигают глаза. — Вы спасли мне жизнь, закрыв кредит! А я спасла вас в пустыне! Мы квиты, Даниил! Но вы не можете просто так взять и обесценить все это!

— Могу! — прорычал он, и его глаза полыхнули темной, неконтролируемой яростью.

В следующее мгновение он схватил чашку со стола — ту самую, ромашковую — и швырнул ее в стену с такой силой, что фарфор взорвался фонтаном острых, сверкающих осколков. Горячая жидкость брызнула в стороны, обжигая его руку и стекая по стене.

Я вскрикнула и инстинктивно прижала руку к лицу, закрываясь от летящих стекол. Но один осколок — тонкий, острый, как бритва — задел мое запястье, оставляя на коже тонкую, ровную полоску. Кровь выступила мгновенно — алая, горячая, пульсирующая. Она закапала на бежевый ковер, оставляя темные, влажные пятна.

В комнате повисла гробовая тишина. Слышно было только, как по моей руке стекает кровь, образуя на полу лужицу. Даниил замер, его грудь тяжело вздымалась, взгляд был прикован к моей руке. Его глаза расширились, и в них промелькнул такой животный, настоящий ужас, что я на секунду забыла о своей боли.

— Алиса... — выдохнул он, и в этом голосе не было ни гнева, ни ярости. Только чистый, неподдельный страх. Это было первое за все время наше имя, произнесенное без насмешки, без издевки. Просто имя.

Я прижимала ладонь к кровоточащему порезу, чувствуя, как мое сердце бешено колотится где-то в горле. Мне не было больно — адреналин притупил ощущения. Но внутри что-то окончательно и бесповоротно оборвалось. Он перешел черту. Ту самую грань, за которой даже мое бесконечное терпение, даже моя благодарность за спасение мамы, даже мое сочувствие к его сломанной душе — все это кончилось.

— Вы правы, Даниил Андреевич, — произнесла я, и мой собственный голос показался мне чужим, ледяным и бесцветным. — Я действительно никто. Всего лишь ассистентка, которая исчезнет через месяц. Но даже «никто» не заслуживает, чтобы в него швыряли чашками.

Я развернулась и вышла из кабинета, чувствуя, как кровь продолжает стекать по руке, оставляя за мной дорожку из алых капель на безупречном ковре. Я слышала, как за спиной раздался какой-то звук — то ли всхлип, то ли скрежет зубов. Я не обернулась.

Дверь лифта закрылась за мной, и только там, стоя в зеркальной кабине, глядя на свое бледное, перепачканное кровью лицо, я позволила слезам хлынуть наружу. Я плакала не от боли в запястье. Я плакала от того, что на одну короткую секунду — в пустыне, в отеле — мне показалось, что между нами зародилось что-то человеческое. Что я увидела настоящего Даниила. Но настоящий Даниил только что разбил чашку о стену в миллиметре от моего лица.

И вместе с чашкой разбилось что-то еще. Что-то хрупкое, светлое, чему я боялась дать имя.

Глава 11. Трещина во льду

Я успела сделать ровно три шага к лифту. Мои каблуки стучали по мраморному полу приемной, и каждый звук отдавался в висках. Правая рука пульсировала — под слоем платка, который он прижал к моему запястью, я чувствовала, как кровь теплой, липкой струйкой просачивается сквозь ткань и капает на пол. Я смотрела на эти алые капли, замороженно, словно происходило это не со мной, а с кем-то другим в параллельной реальности. Капли падали на идеальный, белоснежный мрамор, оставляя маленькие, темные звездочки.

— Стой!

Его голос разорвал тишину — хриплый, надломленный, срывающийся. Я услышала, как за моей спиной распахнулась дверь кабинета, как тяжелые, торопливые шаги простучали по полу, нарастая с каждой секундой.

Я не успела обернуться. Сильные пальцы сомкнулись на моем плече — жестко, но не грубо, с отчаянием — и развернули меня рывком. Я подняла глаза и обмерла.

Передо мной стоял не Дьявол. Не ледяной манипулятор, не жестокий босс, который швыряется чашками. Передо мной стоял человек. Его лицо было мертвенно-бледным, под глазами залегли темные тени, а зрачки — расширенные, лихорадочные — метались от моего лица к моей руке и обратно. Его руки тряслись. По-настоящему тряслись, мелкими, нервными толчками.

— Дай сюда, — прошептал он и, схватив мое запястье, снова прижал к порезу свой шелковый платок. На этот раз он надавил сильнее, плотнее, его пальцы дрожали, и я чувствовала, как вибрация передается моей коже. — Господи, Алиса... Я не хотел... Я не целился в тебя... Ты должна знать: я не целился... Я просто...

Он говорил сбивчиво, прерывисто, слова падали, как тяжелые камни, разбиваясь о тишину. Я смотрела на него, чувствуя, как внутри, несмотря на боль, что-то медленно оттаивает. Он извинялся. Дьявол извинялся. В его голосе не было ни капли той ледяной стали, которую я привыкла слышать. Только чистая, обнаженная паника.

— Нужно в больницу, — выдохнул он, снова затягивая платок туго. — Срочно. Это глубокий порез. Может быть, задета вена. Я отвезу тебя сам.

— Я вызову такси, — произнесла я чужим, бесцветным голосом. Слова выходили механически, словно я была автоматом.

— Нет! — он почти выкрикнул это, и в его голосе проскользнула такая отчаянная нота, что я опешила. — Я сам. Ты поедешь со мной. Пожалуйста.

«Пожалуйста». Я не ослышалась? Даниил Морозов, человек, который не знает, что такое вежливость, сказал «пожалуйста»? Я уставилась на него, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он не дал мне времени на размышления. Схватив свой пиджак со спинки кресла, он накинул его мне на плечи. Ткань была тяжелой, пахла его парфюмом — теми самыми ледяными нотами сандала и мускуса. Пиджак был огромным, он свисал с моих плеч, закрывая меня почти до колен, но в нем было удивительно тепло.

Он придерживал меня за локоть — не грубо, а бережно, почти невесомо, словно боялся причинить мне боль — и повел к лифту. Мы прошли через холл, мимо изумленных охранников, которые вытягивались по струнке и провожали нас любопытными взглядами. Еще бы: великий и ужасный Морозов ведет под руку свою ассистентку, закутанную в его пиджак, и лицо у него при этом — как у человека, заглянувшего в бездну.

В лифте пахло лакированным деревом и тем же его парфюмом. Он нажал кнопку подземной парковки, и кабина бесшумно поехала вниз. Мы не говорили. Только слышно было, как тихо звенит его запонка, когда он нервно поправляет рукав.

— Моя мать, — произнес он вдруг, когда мы уже сидели в салоне его черного «Мерседеса». Машина пахла дорогой кожей, полиролем и его одеколоном. Он вел сам — без водителя, — и я видела, как его руки напряжены на руле, как побелели костяшки пальцев. — Она часто ходила с синяками.

Я вздрогнула и повернулась к нему, но он не смотрел на меня. Он смотрел на дорогу, но его взгляд был рассеянным, устремленным куда-то глубоко внутрь себя.

— Отец... — он замолчал, сжимая руль так, что кожаная обивка жалобно скрипнула. — Он не был плохим бизнесменом. Совет директоров его уважал, партнеры ценили. Но дома... — он сглотнул, и я видела, как дергается желвак на его скуле. — Дома он был чудовищем. Мать терпела. Ради меня. Ради компании. Ради «семейной репутации». Она никогда не жаловалась, никогда не уходила. Просто замазывала синяки тональным кремом и улыбалась на людях. А я смотрел на это и ненавидел. Ненавидел его. И себя — за то, что был маленьким и не мог защитить ее.

Я молчала, боясь спугнуть его. Он говорил, глядя на дорогу, и его слова падали тяжелые, как свинец.

— Я поклялся себе в тринадцать лет, — продолжил он, и его голос стал глубже, почти шепотом, — что никогда не стану таким, как он. Никогда не подниму руку на женщину. Никогда не сорвусь. Я контролировал себя годами. Стал ледяным, холодным, неприступным — потому что это единственный способ не дать гневу вырваться наружу.

Он замолчал. За окнами проплывали огни вечерней Москвы, и в свете уличных фонарей его профиль казался вырезанным из камня.

— Но сегодня, — произнес он, и его голос упал до хриплого шепота, — когда ты пришла с этим чаем... когда посмотрела на меня с этой чертовой жалостью... Я сорвался. Я разбил чашку о стену рядом с твоей головой. Как он.

Он резко замолчал. Я видела, как его пальцы на руле побелели до синевы.

— Я боюсь собственных рук, Алиса, — прошептал он, и в этом шепоте было столько боли, что у меня перехватило дыхание. — Каждый раз, когда злюсь — боюсь, что гены отца проснутся во мне. Что я стану им. Что я уже стал.

В салоне повисла тяжелая, вязкая тишина. Я смотрела на его профиль — острый, напряженный, подсвеченный огнями ночного города — и чувствовала, как внутри меня что-то переворачивается. Он не был чудовищем. Он был заложником прошлого. Маленьким мальчиком, который боялся повторить судьбу своего мучителя.

— Даниил, — произнесла я тихо, и он вздрогнул, услышав свое имя, произнесенное без «Андреевича». — Вы не отец.

— Ты не знаешь...

— Я знаю. Я видела вас в пустыне. Я слышала, что вы говорили в бреду. Три дня вы держали мою руку в больнице. Тот, кто боится стать жестоким, никогда им не станет. Жестокие люди не боятся. Им плевать.

Он ничего не ответил. Но я увидела, как его пальцы на руле чуть расслабились, и в свете уличного фонаря по его щеке скользнула влажная дорожка. Я не знала, была ли это слеза или просто отблеск дождя на стекле, но я предпочла поверить, что это было что-то большее.

В больнице, куда он меня привез, пахло хлоркой, спиртом и стерильным бельем. Меня усадили на кушетку в процедурном кабинете, и врач — молодая женщина с усталыми глазами — промыла рану, обработала ее антисептиком и наложила четыре аккуратных, черных шва.

— Шрам останется, — сказала она, заклеивая повязку. — Но тонкий, почти незаметный, если будете ухаживать.

Всю процедуру Даниил простоял в коридоре, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Он не заглядывал внутрь, но я чувствовала его присутствие — тяжелое, напряженное, как грозовая туча. Когда я вышла с перевязанным запястьем, он отлепился от стены

и шагнул ко мне. Его глаза пробежали по моей руке, и он слегка кивнул, словно проверяя, что я цела.

— Я отвезу тебя домой.

— Не нужно. Я на метро, мне недалеко...

— Домой, Ветрова, — произнес он, и в его голосе снова появилась та самая сталь. Но теперь я слышала в ней не властность, а упрямую, неуклюжую заботу. — Это не обсуждается.

Он довез меня до моей окраины — до старой панельной девятиэтажки с облупившейся краской на стенах и запахом мокрого подъезда. И, вопреки всем моим протестам, вышел из машины и проводил меня до квартиры.

— Вы не обязаны заходить, — сказала я, вставляя ключ в старый, скрипучий замок. — У меня там не прибрано.

— Я хочу убедиться, что с тобой всё в порядке, — произнес он глухо, и я не нашла сил спорить.

Я открыла дверь, и моя съемная однушка встретила нас запахом застоявшихся лекарств, старых обоев и одиночества. Я зажгла свет — тусклую лампочку под потолком, которая мертвенно-желтым светом осветила комнату. Даниил замер на пороге, обводя взглядом убогую обстановку: старые обои с рисунком, который почти стерся, продавленный диван, на котором я спала, тумбочку, на которой стояли пустые баночки из-под обезболивающих. И фотографию в простой деревянной рамке на подоконнике.

Он подошел к ней. Взял в руки — осторожно, почти благоговейно, как берут в руки хрупкую, бесценную вещь. На фотографии улыбалась моя мама — еще до болезни, счастливая, со светлыми волосами и лучистыми морщинками вокруг глаз.

— Это она, — сказал он утвердительно, не оборачиваясь.

— Да, — ответила я, снимая его тяжелый пиджак и аккуратно вешая на спинку старого стула. — Ее зовут Татьяна. Ей нужна операция. Очень дорогая. Поэтому я и согласилась на вашу сделку, Даниил Андреевич.

Он долго смотрел на фотографию. Потом перевел взгляд на пустые баночки из-под таблеток — с истекшим сроком годности. Я покупала лекарства по минимуму, выбирая только самое необходимое, потому что каждая копейка уходила на выплату кредита за прошлое лечение.

— Ты живешь в этой дыре, — произнес он тихо, и в его голосе не было насмешки, только глухое, тяжелое изумление. — Носишь одежду с «Авито», экономишь на еде... и всё ради нее.

— Она — всё, что у меня есть, — просто ответила я. — Кроме нее у меня никого нет.

Он поставил фотографию на место и резко, словно обжегшись, повернулся ко мне. В его глазах бушевало что-то темное, мучительное — чувство вины, тяжелое, удушающее, захлестнувшее его с головой.

— Мне пора, — произнес он отрывисто и, не прощаясь, вышел за дверь.

Я слышала, как его тяжелые шаги стихают на лестничной клетке, как хлопает входная дверь подъезда, и поняла — что-то сейчас произошло. Что-то важное. Он увидел мою жизнь — настоящую, без прикрас. И, кажется, она его задела. На следующий день я узнала, насколько сильно.

Глава 12. Вероника и контракт

Утром мой телефон ожил от сообщения с незнакомого номера. Я открыла его, еще не до конца проснувшись, и пробежала глазами текст. Внутри все похолодело.

«Колледж лучшей частной клиники Москвы. Ваша мать, Татьяна Сергеевна Ветрова, переведена в палату повышенного комфорта. Операция назначена на ближайший четверг. Все расходы покрыты анонимным благотворительным фондом».

Я уставилась в экран, чувствуя, как слезы обжигают глаза и катятся по щекам. Анонимный фонд? Нет. Я знала, кто это. Знала — и от этого хотелось плакать еще сильнее. Дьявол, который разбил чашку о стену, втайне перевел мою маму в лучшую клинику. Мой жестокий босс, который боялся собственных рук, тихо, без пафоса, без лишних слов, спасал мою семью.

Следующие три дня в офисе царил странное затишье. Даниил был холоден и сдержан, но больше не было бессмысленных поручений. Не было скрепок, не было колких замечаний. Я ловила на себе его короткие взгляды — быстрые, словно он проверял, здесь ли я, жива ли я. А по вечерам, уходя, он неизменно бросал через плечо: «Иди домой, Ветрова. Хватит сидеть допоздна».

Я почти поверила, что ураган миновал. Что мы нашли какой-то хрупкий, зыбкий баланс. Но однажды утром дверь приемной распахнулась — резко, без стука, и впустила ее.

Она была именно такой, какой я ее себе представляла. Высокая, с идеальной укладкой цвета платины, в облегающем белом костюме от Шанель. Сумка «Биркин» на сгибе локтя — цвета слоновой кости, с золотой фурнитурой. Фарфоровая кожа, холодные голубые глаза, надменная складка у рта. Она пахла дорогими духами — сладкими, приторными, как цветущий сад, который в лицо бросают вам.

— Вы, должно быть, новая игрушка Дани? — пропела она, окидывая меня оценивающим взглядом сверху вниз. Ее глаза задержались на моем забинтованном запястье, и она усмехнулась — ядовито, понимающе. — О, боже. Уже со следами? Даниил начал метить территорию? Бедная девочка.

Я стиснула зубы так, что на скулах заиграли желваки. Но я не позволила себе сорваться. Я выпрямилась и встретила ее взгляд.

— Господин Морозов занят, — ответила я ледяным тоном, которым он сам меня научил. — Вам назначено? Я могу проверить его расписание.

— Мне не нужна запись, детка, — фыркнула она, отодвинув меня плечом, словно я была мебелью. Она шагнула к двери кабинета, не удосужившись постучать. — Даниил, дорогой! Твоя церберша пыталась меня не пустить!

Дверь кабинета открылась — но не от ее толчка, а изнутри. На пороге стоял Даниил, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, но в глазах застыла та самая ледяная сталь, которую я уже знала.

— Я не просил тебя приезжать.

— А я соскучилась, — промурлыкала она, проходя мимо него в кабинет, словно он пригласил ее. И я, сама не зная зачем, машинально вошла следом, потому что на его столе осталась папка с отчетами, которую я должна была забрать. Я подошла к столу, но замерла, услышав то, что не предназначалось для моих ушей.

— Чего ты хочешь, Вероника? — холодно спросил Даниил, даже не предложив ей сесть.

Она небрежно закинула ногу на ногу, демонстрируя безупречное бедро в разрезе юбки, и откинулась на спинку кресла.

— Вернуть нашу помолвку, — заявила она, играя с прядью волос. — Я проанализировала рынок, Дани. Ты — лучшая партия в Москве. Твой бизнес растет, мой папаша готов возобно-

вить партнерство. Мы идеальная пара. Давай сделаем вид, что того скандала с твоей несчастной рукой и Лерой не было.

При имени «Лера» я заметила, как побелели костяшки Даниила. Он молчал, и Вероника, видимо, приняла это за поощрение.

— Я же знаю, как ты относишься к браку, — продолжила она, и в ее голосе зазвучала интимность. — Романтика, сопли, чувства — это не про тебя. Тебе нужна жена для галочки. Та, кто не будет мешать бизнесу и не полезет в твою душу. Я идеально подхожу.

Даниил медленно поднял глаза. И произнес — холодно, размеренно, как приговор:

— Ты права. Романтика — не про меня. Чувства — не про меня. Но и ты — не про меня тоже, Вероника. Я женюсь на той, кто действительно не будет мешать бизнесу. На той, кто будет делать свою работу и не задавать лишних вопросов.

Он сделал паузу. И его взгляд — тяжелый, задумчивый, опасный — упал на меня. Я стояла у двери с папкой в руках, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Идеальный вариант, — произнес он, не отрывая от меня глаз, — контрактная жена. Та, которая уже в курсе моих... особенностей. Та, чьи проблемы я могу решить. Та, кто не ворвется в мой кабинет с претензиями.

Вероника проследила за его взглядом. Ее лицо исказилось от ярости.

— Ты шутишь? — прошипела она, вскакивая с кресла. — Эта серая мышь? Ты собираешься жениться на своей ассистентке? На этой провинциальной замухрышке, которая даже кофе заварить не умеет?

— А почему нет? — спросил Морозов, и уголок его губ дернулся в ледяной полуулыбке. — Алиса Ветрова выполняет приказы. Не задает лишних вопросов. Знает мой характер. И у нее есть мотивация сотрудничать. Чем не идеальный контракт? Тебе стоит поучиться у нее, Вероника. Приличиям, хотя бы.

Мир покачнулся перед моими глазами. Папка с отчетами выскользнула из моих ослабевших пальцев и упала на пол с глухим, тяжелым звуком, рассыпав листы по ковру. Он не мог говорить это всерьез. Контрактная жена? Я?!

— Даниил Андреевич... — начала я, но он перебил меня, не дав договорить.

— Я подумаю над этим, Ветрова, — бросил он тоном, не терпящим возражений. — А пока — проводи Веронику. Ей пора. У нее важный ужин с новым спонсором.

Вероника вскочила, швырнув в меня уничтожающий, полный презрения взгляд, и вылетела из кабинета, стуча каблуками по паркету так громко, что звенели стекла в шкафах. А я осталась стоять на месте, чувствуя, как мои ноги приросли к полу, глядя на Даниила, который уже повернулся к окну — как всегда, пряча свое лицо.

Контрактная жена. Он сказал это при Веронике. При мне. Сказал так, будто обсуждал деловую сделку, покупку офисного кресла или подписание выгодного контракта.

И самое страшное — я поняла, что он говорит серьезно. И что я, наверное, соглашусь. Потому что мама через три дня ложится на операцию в лучшую клинику Москвы. Потому что я по уши в долгах. Потому что... потому что я хочу быть рядом с ним. Даже если это будет фикция. Даже если это будет просто контракт.

Шрам на моем запястье заныл — тонко, предупреждающе, словно напоминая о той чашке, о том страхе, о той грани, которую мы оба перешли. Но я уже знала, что не убегу. Что-то внутри меня — глупое, опасное, отчаянное — хотело быть рядом, когда он снова позволит себе быть настоящим. Когда он снова разобьет чашку, снова испугается, снова будет держать меня за руку в пустыне.

Я подошла к нему. Остановилась у его спины. Пахло от него тем же ледяным парфюмом и старой болью.

— Даниил Андреевич, — произнесла я, и мой голос был ровным, несмотря на колотящееся сердце. — Если вы серьезно насчет контрактной жены, у меня есть одно условие. Оно не обсуждается.

Он медленно обернулся. В его глазах была настороженность и — впервые — доля уязвимости.

— Какое?

— В этом контракте не будет пункта о том, что вы можете швыряться вещами, — сказала я прямо, глядя ему в глаза. — Я не боюсь вас, Даниил. Но я не хочу бояться за себя. Если это повторится — я уйду. Даже если вы заплатите мне миллион.

Он долго смотрел на меня. В его взгляде боролись удивление, гнев и что-то еще — то ли уважение, то ли восхищение.

— Принято, — сказал он наконец, и его голос чуть дрогнул. — Я подпишу этот пункт. И больше никогда не брошу в тебя ни одной чашки. Обещаю.

Мы стояли друг напротив друга, разделенные всего несколькими сантиметрами, но между нами лежала пропасть — и одновременно хрупкий, невидимый мост. Шрам на моем запястье перестал ныть. Я знала, что впереди нас ждет что-то опасное, неизведанное, неправильное — и, возможно, самое правильное в нашей жизни.

Глава 13. Контракт с Дьяволом

После ухода Вероники я просидела в приемной битый час, уставившись в монитор. Экран давно погас, но я не видела ни строчки, ни даже собственного отражения в темном стекле. Слова Даниила крутились в голове, как заезженная пластинка, застревая на одной и той же фразе: «Идеальный вариант — контрактная жена».

В ушах стоял звон. Я пыталась убедить себя, что это был спектакль — просто способ отшить Веронику, не более. Но когда селектор на моем столе внезапно пикикнул, заставив меня вздрогнуть, и голос Даниила раздался из динамика — ровный, сухой, без привычной язвительности — я поняла: всё кончилось. Игра в догадки закончена.

— Ветрова, найди.

Сердце пропустило удар. Я встала, поправила пиджак — тот самый, который пах дешевым освежителем и старым шкафом, — и шагнула в кабинет.

Внутри пахло старой, дорогой кожей, деревом и табаком. Кабинет Морозова всегда казался мне склепом — стерильно чистым, безжизненным, с идеальным порядком, который выдавал в хозяине перфекциониста и тирана. Но сегодня в воздухе висело что-то иное. Напряжение, которое можно было резать ножом.

Даниил сидел за своим огромным столом, выпрямившись, как статуя. Перед ним, на полированной поверхности, лежала черная кожаная папка с золотым тиснением — герб юридического департамента «Морозов Индастриз». Тиснение на коже пахло горячим металлом. Он не сводил с меня глаз, его пальцы лежали на папке, чуть заметно постукивая по ней — единственное проявление нервозности, которое он себе позволял.

Он жестом указал на стул напротив. Я опустилась на холодную, скользкую кожу обивки и почувствовала, как дрожат мои колени, соприкасаясь с тяжелой тканью юбки.

— Я не шутил, — произнес он без предисловий. В его голосе не было ни капли эмоций — чистая, абразивная сталь. Он пододвинул папку ко мне. — Ознакомься.

Я открыла папку. Внутри лежал контракт. Отпечатанный на дорогой, плотной бумаге кремового цвета с едва заметными водяными знаками. Идеально выверенные формулировки, строгая верстка, герб компании в правом верхнем углу. Каждая строчка была выверена до миллиметра — как и он сам.

«Договор о фиктивном браке».

Буквы плыли перед глазами, но я заставила себя читать, водя пальцем по холодной, гладкой бумаге:

Срок действия — один календарный год с момента регистрации.

Обязанности стороны «А» (Алисы Ветровой): исполнять роль любящей супруги на публичных мероприятиях, сопровождать сторону «Б» на деловых встречах, проживать совместно по адресу, указанному стороной «Б», соблюдать полную конфиденциальность.

Обязанности стороны «Б» (Даниила Морозова): полная оплата лечения и реабилитации Татьяны Ветровой в любом медицинском учреждении мира, предоставление отдельной квартиры в собственность стороне «А» по истечении срока договора, ежемесячное содержание в размере...

Я оторвала взгляд от бумаг. Цифра, стоящая в графе «ежемесячное содержание», была такой огромной, что у меня перехватило дыхание. Она равнялась моей зарплате за три года.

— Вы это серьезно? — прошептала я, и мой голос предательски дрогнул.

— Более чем, — ответил он, откидываясь на спинку кресла. — Ты получила мое сообщение о клинике? Я свои обещания выполняю быстро и без лишней суеты. Теперь очередь за тобой. Закрываем долги, получаем всё, что нужно твоей матери — мы квиты.

— Вы уже всё продумали, — произнесла я с горечью, чувствуя, как внутри закипает обида пополам с благодарностью. — Маму перевели. Операция в четверг. И теперь я должна вам по гроб жизни.

— Не драматизируй, Ветрова. Всего лишь на год. — Он говорил спокойно, но я заметила, как его пальцы выбивали нервную дробь по столу, выдавая напряжение. — Мне нужна жена. Совет директоров хочет видеть во главе корпорации «стабильного семейного человека». У них старомодные предрассудки о надежности. Холостой Морозов их нервирует. А после истории с Лерой... они вообще готовы поднять бунт.

Он осекся. Имя повисло в воздухе, как невысказанный упрек, тяжелым, липким облаком.

— Лера — это та женщина из телефона? — спросила я тихо, чувствуя, как мой голос вибрирует от напряжения. — Та, чье имя вы повторяли в бреду в пустыне?

Его взгляд мгновенно стал ледяным, острым, как лезвие ножа. Скулы заострились, а глаза превратились в две серые льдины.

— Не лезь туда, Ветрова, — отрезал он. — Это не твое дело. Твое дело — прочитать и подписать. Остальное тебя не касается.

Я стиснула зубы и вернулась к контракту, пробегая глазами по строкам. Пункты мелькали один за другим: совместное проживание, деловые поездки, публичные мероприятия, неразглашение... И вдруг я наткнулась на отдельную страницу в самом конце папки, озаглавленную «Дополнительные условия прекращения договора».

«В случае возникновения у стороны "А" романтических чувств к стороне "Б", договор аннулируется в одностороннем порядке без каких-либо выплат и компенсаций стороне "А".»

Я подняла на него глаза. Внутри меня всколыхнулась смесь гнева, обиды и почти животного желания защититься.

— Это что? — мой голос дрогнул, но я заставила себя смотреть ему прямо в лицо. — Вы боитесь, что я в вас влюблюсь?

— Я ничего не боюсь, — отрезал он, и в его тоне проскользнула едва заметная нервозность. — Это стандартная страховка. Ты — молодая девушка, я — состоятельный мужчина. Гормоны, химия, — он пренебрежительно махнул рукой, — всё это может сыграть злую шутку. Я не хочу потом разбираться с твоими истериками, претензиями и попытками шантажировать меня чувствами.

Я усмехнулась. Горько, зло, чувствуя, как мои внутренности сжимаются в тугой узел.

— Не волнуйтесь, Даниил Андреевич. Этого не случится, — произнесла я, и каждое слово было пропитано ледяной уверенностью. — Я умею контролировать себя. И свои... гормоны.

— Вот и славно, — он подвинул ко мне тяжелую золотую ручку, которая пахла металлом и дорогой лакировкой. — Тогда подписывай.

— Подождите, — я подняла руку, останавливая его. Воздух в кабинете стал тяжелым и напряженным. — У меня есть одно условие. И оно не обсуждается.

Он приподнял одну бровь, и в его глазах мелькнул интерес.

— Слушаю.

— Никакого физического насилия, — произнесла я твердо, глядя ему в глаза. Внутри меня дрожало всё, но снаружи я была спокойна, как сталь. — Я знаю, что та чашка была случайностью. Знаю, что вы не хотели. Но я не могу жить в страхе, Даниил Андреевич. Никаких брошенных в мою сторону предметов. Никаких прикосновений в гневе. Если это повторится — я уйду, и никакие деньги, никакая операция для мамы меня не остановят.

Даниил смотрел на меня долго, очень долго. Тишина в кабинете звенела, как натянутая струна. В его серых глазах промелькнула целая буря — боль, уважение, удивление, страх — а затем всё исчезло, оставив только ровную, спокойную гладь.

— Принято, — произнес он наконец. — Обещаю. Руки распускать не буду. И предметами швыряться тоже.

Он взял со стола свой экземпляр договора, открыл его, взял ту же золотую ручку и одним быстрым, четким движением вписал мое условие в раздел «Обязанности стороны Б». Подписал. И пододвинул папку ко мне.

Я взяла ручку. Пальцы дрожали так сильно, что я боялась уронить её. Я думала о маме, о белых больничных стенах, о счетах, которые придут после реабилитации. Думала о том, что еще месяц назад я была никем — девочкой с окраины, которая залила кофе единственную блузку. А теперь мне предлагают сделку с Дьяволом.

Я поставила подпись. Кривую, неровную, дрожащую.

— Поздравляю, — произнесла я, пододвигая бумаги обратно. — Вы только что купили себе жену. Оптом и в розницу.

— Не жену, Ветрова, — поправил он, убирая папку в сейф и захлопывая тяжелую дверцу с тихим, стальным щелчком. — Делового партнера. Уясни разницу.

Глава 14. Брачный конвейер

Ювелирный салон «Картье» на Кутузовском проспекте выглядел так, словно его привезли из другого мира. Он был пуст — его открыли для нас специально, в обеденный перерыв, словно мы были коронованными особами. Внутри пахло дорогими духами, свежей полировкой и пылью веков. Мягкий, теплый свет лился с потолка, отражаясь от хрустальных люстр, и заставлял бриллианты на витринах вспыхивать тысячами искр.

Консультанты суетились вокруг Даниила, который стоял чуть поодаль, хмуро уткнувшись в телефон, словно находился на аукционе по продаже скота. На бархатных подушках были разложены футляры с кольцами, и я чувствовала себя Золушкой, которую зачем-то привели в королевскую сокровищницу, но ключ от кареты затерялся.

— Выбирай, — бросил Даниил, не глядя на меня.

— Зачем? — спросила я, чувствуя, как холодная сталь его тона обжигает мне лицо. — Это же фиктивный брак. Можно обойтись простой полоской золота. Мы же не собираемся устраивать шоу.

— Люди должны верить, — отрезал он. — А люди, Ветрова, верят только в то, что блестит и стоит бешеных денег. Бери самое дорогое, чтобы у них не было вопросов.

Я скользнула взглядом по футлярам. Бриллианты переливались, слепили глаза, казались бездушными и холодными. Просто чтобы не спорить, чтобы выйти отсюда быстрее, я указала на кольцо в центре витрины — платина, крупный бриллиант в обрамлении россыпи мелких, словно кольцо было усыпано утренней росой. Ценник я предпочла не видеть.

Консультант просиял и бросился упаковывать его в бархатную коробочку.

В этот момент телефон Даниила завибрировал снова. Пятый раз за десять минут. На экране высветилось имя: «Вероника». Его лицо дернулось, на скулах заиграли желваки. Не отвечая, он демонстративно отключил звук.

Телефон зажужжал снова, вибрируя на стеклянной витрине.

— Дьявол, — выдохнул он сквозь зубы. А потом, коротко размахнувшись, с силой швырнул телефон через весь зал.

Дорогой айфон описал красивую, почти невесомую дугу в воздухе и с тихим, глухим всплеском ушел на дно декоративного фонтана, стоявшего посреди салона. Я смотрела на расходящиеся по воде круги, на то, как пузырьки воздуха поднимаются со дна, и думала, что это, пожалуй, самый красноречивый жест из всех, что я видела за последние дни.

Консультанты замерли с открытыми ртами. Тишина повисла в воздухе, нарушаемая лишь журчанием фонтана.

— Новый купите, — бросил Даниил побелевшему менеджеру и, взяв коробочку с кольцом, развернулся к выходу. — Ветрова, не отставай.

ЗАГС напоминал конвейер. Узкий коридор, серые, безликие стены, обшарпанные казенные стулья, и усталая женщина-регистратор с начесом и дежурной, натянутой улыбкой. Пахло здесь краской, старой бумагой и казенным теплом от батарей.

Даниил договорился о регистрации в закрытом режиме, без очередей и посторонних глаз. Мы приехали вдвоем, но для формальности требовались свидетели.

Свидетелем со стороны жениха стал его личный шофер — пожилой мужчина по имени Семен с добрыми, но усталыми глазами. Он мял в руках клетчатую кепку и смотрел на меня с жалостливым любопытством, словно я была приговоренной к каторге. Со стороны невесты — Лиза из отдела кадров, которую я уговорила прийти быстрым сообщением. Она явилась с круглыми от потрясения глазами и букетом белых роз в руках.

— Алиса, ты точно в себе? — прошептала она, вручая мне цветы. Бутоны были холодными и влажными, они пахли свежестью и одиночеством.

— Точно, — соврала я. Мой голос звучал бодрее, чем я себя чувствовала.

Церемония заняла семь минут. Регистратор монотонно читала заученный текст — о любви, верности и взаимном уважении. Ее голос эхом отскакивал от серых стен и падал на мраморный пол тяжелыми, бессмысленными каплями. Каждое слово отдавалось во мне горькой иронией. Любовь? Верность? Мы стояли перед ней — двое совершенно чужих людей, связанных не чувствами, не судьбой, а тщательно выверенным юридическим договором.

Даниил смотрел куда-то поверх моей головы. Я — в пол. Наши глаза не встретились ни разу.

— Жених, поцелуйте невесту, — объявила регистратор, вложив в последнюю фразу фальшивый, торжественный оттенок.

Я вздрогнула. Даниил медленно повернул голову и посмотрел на меня — холодно, оценивающе, словно решая, стоит ли тратить на этот жест даже долю секунды.

— Без этого можно обойтись, — произнес он тем же тоном, каким обычно говорил «совещание окончено». — Просто ставьте печать.

Регистраторша поперхнулась воздухом, но спорить с Даниилом Морозовым она явно не посмела. Ее руки дрогнули, когда она взяла штампы, и они шлепнулись в паспорта — раз, и мой превратился в чужой.

Я взяла свой паспорт дрожащими пальцами. Внутри, на странице с данными, рядом с моим именем «Алиса Ветрова», теперь стояла свежая, жирная отметка о браке с Морозовым Д.А. Буквы были черными, безупречными и казались мне приговором, выжженным на бумаге.

Всё. Я замужем.

В коридоре Лиза порывисто обняла меня, сжимая в объятиях так крепко, что хрустнули ребра, и шептала что-то утешительное на ухо. Семен-шофер неловко кашлянул, переминаясь с ноги на ногу, и пробормотал невнятные поздравления. Даниил уже стоял у выхода, застегивая пуговицы на идеальном пиджаке, и даже не смотрел в нашу сторону.

— Машина подана, — бросил он через плечо. — Вещи из твоей квартиры уже перевозят. Ключи от новой ты получишь завтра. Сегодня ночуешь в моей квартире. Привыкай к роли.

Я догнала его быстрым шагом, чувствуя, как каблуки цокают по мрамору.

— Какой роли? — спросила я, сжимая в руках холодный металл паспорта. — Жены или декорации?

Он обернулся на мгновение. Наши взгляды встретились. В его серых глазах мелькнуло что-то почти человеческое — усталость, или, может быть, едва заметная тень сожаления.

— Делового партнера, Ветрова, — ответил он мягче, чем я ожидала. — Ты же слышала: работаем круглосуточно. Как и договаривались.

Я села на заднее сиденье черного «Мерседеса», чувствуя, как дорогая кожаная обивка холодит ноги через тонкую ткань юбки. Он сел с другой стороны — разделенные пространством салона и бесконечной, невидимой пропастью. Водитель тронулся с места, и мы поехали в его квартиру — в золотую клетку, которую я сама выбрала, подписав бумаги. Шрам на моем запястье под манжетой туго заныл, напоминая о себе тонкой, пульсирующей болью. Кольцо с бриллиантом холодило безымянный палец, казалось тяжелым и чужим.

Контрактная жена. Деловой партнер. Печать в паспорте.

И ни одного поцелуя.

«Так лучше», — сказала я себе, глядя в окно на проплывающую мимо вечернюю Москву, на огни витрин и уличные фонари. Но где-то глубоко внутри, в том темном уголке сердца, который я старательно глушила, тихо просыпалось предательское сомнение. А если бы поцеловал? Что бы я почувствовала? Что бы я сделала?

Нет. Не думать. Контракт есть контракт.

А моя главная задача сейчас — не влюбиться в собственного мужа. Пункт о «романтических чувствах» он вписал в договор не просто так. Он знал, на что способна моя дурацкая, отчаянно ищущая тепла душа. Знал — и застраховался от собственного страха.

Я сжала пальцы в кулак, чувствуя, как бриллиант впивается в кожу через кольцо. Ну что ж, Даниил Андреевич. Игра началась. И пусть в этом контракте нет места любви, но в нем есть место вызову. Посмотрим, кто кого. И кто первым нарушит правило, которое сам и придумал.

Глава 15. Лавандовая клетка

Черный «Мерседес» мягко въехал в тяжелые кованые ворота, и я, забыв о приличиях, прилипла к стеклу. За окнами проплывал ухоженный парк — подстриженные газоны, аккуратные дорожки, подсвеченные золотистыми фонарями, и огромный фонтан с подсветкой, который переливался в ночном воздухе всеми цветами радуги. Где-то в глубине угадывался контур теннисного корта и сверкающая гладь бассейна под стеклянным куполом.

Сам особняк возник передо мной как мираж: трехэтажное здание из белого камня и огромных стеклянных панелей, которые отражали лунный свет и огни парка. Строгая геометрия линий, холодный минимализм, безупречная чистота. Он был похож на дорогой отель, в котором за каждым углом тебя ждет обслуживающий персонал, но ни одной живой души. Даже свет из окон казался стерильным, лишенным уюта.

— Рот закрой, Ветрова, — донесся до меня ледяной голос Даниила с переднего сиденья. Он не обернулся, но я знала: он видел мое лицо в отражении стекла. — Ты здесь хозяйка, а не туристка. Постарайся вести себя соответственно.

«Хозяйка», — мысленно повторила я. Хозяйка в доме, который стоил больше, чем весь мой район, вместе взятый, со всей его ветхой инфраструктурой и соседскими сплетнями. Машина остановилась у главного входа, и я, нервно одернув подол своего старого пиджака, вышла на гравийную дорожку. Холодный ночной воздух обжег щеки, запахло мокрой листвой и хвоей.

На пороге нас встретила женщина. Ей было лет шестьдесят, сухошавая, с идеально прямой спиной и пучком седых волос, собранных на затылке. На ней было простое, темное платье без единой складочки, и ее лицо, строгое и непроницаемое, казалось вырезанным из старого дерева. Она смотрела на меня с легкой, едва заметной настороженностью, но не произнесла ни слова, пока Даниил не остановился рядом со мной.

— Марта Ивановна, — коротко бросил он, не глядя на экономку. — Это Алиса. Размести ее в гостевой. И проследи, чтобы у нее было всё необходимое.

Он развернулся и, не добавив ни слова, скрылся в недрах особняка. Его шаги быстро затихли на мраморном полу, оставив меня стоять в огромном холле, который освещался мягким светом хрустальной люстры. Я смотрела на его удаляющуюся спину — идеально сидящий пиджак, безупречная осанка, ни одной ноты сожаления. Даже не попрощался.

— Следуйте за мной, — раздался за моей спиной сухой, бесцветный голос Марты Ивановны.

Я обернулась. Она стояла, сложив руки перед собой, и ждала, пока я соберусь.

— Можно просто Алиса, — попыталась я улыбнуться, чувствуя, как неловкость сковывает каждое движение.

— Алиса Дмитриевна, — поправила она, и в ее голосе не было ни капли тепла, только ледяная вежливость. — Вы теперь супруга Даниила Андреевича. Привыкайте. И прошу вас не задерживаться. Вам предстоит осмотреть комнату и, вероятно, отдохнуть после долгой дороги. Я провожу вас.

Она повела меня по бесконечным коридорам. Наши шаги гулко отдавались от мраморного пола, а стены, отделанные светлым деревом, казались бесконечными. Я пыталась запомнить повороты: налево, направо, мимо зимнего сада, где в приглушенном свете угадывались силуэты пальм, мимо библиотеки с тяжелыми дубовыми шкафами, мимо гостиной с огромным камином, где весело потрескивали дрова. Но уже через пять минут я безнадежно заблудилась. Дом был не жилищем — он был музеем, в котором каждая комната дышала холодом, стерильностью и абсолютным порядком. Нигде не было ни одной личной вещи — ни фотографии, ни книги на столике, ни забытой чашки. Только идеальная пустота.

— Ваша спальня, — наконец остановилась Марта Ивановна у массивной двери из темного дуба. — Хозяйская спальня находится в другом конце дома. Настоятельно рекомендую не бродить по ночам. Даниил Андреевич не любит, когда нарушают его личное пространство.

Я вспомнила ту комнату отдыха в офисе, его ярость, когда я случайно заглянула внутрь. «Здесь мое личное пространство! У тебя нет сюда доступа!» Да, с личным пространством у моего фиктивного мужа были особые отношения.

— Я поняла, — кивнула я, чувствуя, как внутри снова поднимается глухая тревога.

— Отдыхайте. Завтрак в восемь. Не опаздывайте.

Она развернулась и ушла, оставив меня одну перед дверью. Я толкнула ее и вошла внутрь.

Комната оказалась неожиданно уютной — вопреки всему остальному дому. Светлые, персиковые стены, мягкий пушистый ковер на полу, огромная кровать с высоким изголовьем, застеленная свежим постельным бельем. На прикроватной тумбочке стоял букетик сушеной лаванды, перевязанный льняной лентой. Запах был тонким, успокаивающим, он напомнил мне нашу крошечную кухню, где на подоконнике всегда стояли веточки лаванды — мама говорила, что они отгоняют моль и плохие мысли.

Я подошла к кровати, провела рукой по прохладной ткани. Белье пахло лавандой и свежестью. Здесь было спокойно. Я почувствовала, как впервые за долгие часы спадает напряжение.

— Это... чья была комната? — спросила я обернувшись, но Марта Ивановна уже ушла.

Я осталась одна. Я распаковала свои немногочисленные вещи — те самые три футболки, одни джинсы и старый пиджак, — повесила их в шкаф, который был пуст и огромен, как пещера. Приняла душ, ощущая, как горячая вода смывает с себя усталость и чужой запах дорогой кожи. Затем я надела простую хлопковую пижаму, которую привезла с собой, и легла в прохладную, пахнущую лавандой постель.

Но сон не шел. Я лежала в темноте, прислушиваясь к чужому дому. Слышала, как гудит система отопления, как за окном шуршит ветер в ветвях парка, как где-то далеко тикают часы. Вспоминала свою старую квартиру — продавленный диван, гул холодильника, запах мокрой одежды на батарее. И как странно: еще вчера я мечтала о покое и безопасности, а сегодня я лежала в особняке за миллионы, в статусе жены человека, который даже не поцеловал меня в ЗАГСе. И этот статус казался мне тяжелее любых долгов.

Я уже почти задремала, когда тишину разорвал крик.

Глухой, полный муки, он донесся откуда-то издалека, пробиваясь сквозь стены. Я подскочила на кровати, сердце забилося где-то в горле. Дом снова затих, но эта тишина была обманчивой. Крик повторился — хриплый, надрывный, срывающийся на стон. Мужской голос. Его голос.

Я забыла о предупреждении Марты Ивановны, забыла о его «личном пространстве», забыла о страхе. Я выскочила в коридор босиком — холодный мрамор обжег ступни, но я не чувствовала боли. Я бежала на звук, ведомая инстинктом, который был сильнее любого контракта. Коридоры казались бесконечными, темнота — кромешной, я сбивала углы, но не оставалась.

Хозяйская спальня нашлась в другом конце дома. Дверь была приоткрыта — видимо, Марта Ивановна заходила проверить его и не закрыла плотно. Я влетела внутрь и замерла на пороге.

Даниил метался на огромной кровати. Простыни были скомканы и сбиты в один огромный клубок, одеяло сползло на пол, подушка валялась у изголовья. Его лицо было искажено мукой, на лбу блестели капли испарины, а из груди вырывались хриплые, прерывистые стоны. Он не кричал — он задыхался, словно боролся с невидимым противником.

— Нет... — хрипел он, мотая головой из стороны в сторону. — Не уходи... Пожалуйста... Не оставляй меня... Мама... Мамочка...

Мама. Он звал мать. Я вспомнила его рассказ в пустыне — о том, как мать умерла в реанимации через сутки после отца. Это снилось ему каждую ночь? Каждую ночь он заново переживал ту аварию, ту потерю?

Я сделала шаг вперед, мое сердце колотилось, но я не могла стоять и смотреть.

— Даниил, — позвала я тихо, склоняясь над ним. — Даниил, проснитесь. Это сон. Просто сон. Вы в безопасности.

Я тронула его за плечо. Он не просыпался. Его тело была крупная дрожь, и вдруг его рука резко, отчаянно схватила меня. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, сжались с такой силой, что я почувствовала боль, и рывком притянули меня к себе. Я упала на край кровати, оказавшись прижатой к его груди — горячей, влажной от пота, с гулко, бешено бьющимся сердцем.

— Даниил! — я пыталась вырваться, но его хватка была мертвой. Он держал меня, как утопающий держит спасательный круг.

— Не уходи, — прошептал он в мои волосы, и голос его был полон такой тоски, что у меня перехватило дыхание. — Не оставляй меня... Я не справлюсь один...

Я замерла. Его руки дрожали, дыхание было горячим и прерывистым. И я, забыв о контракте, о запретах, о его ледяных приказах, о том, что он называл меня инструментом, — я обняла его в ответ. Просто обняла. Прижалась щекой к его мокрой груди и начала тихо, успокаивающе шептать:

— Я здесь. Я рядом. Всё хорошо. Ты не один. Это просто сон, Даниил. Слышишь? Просто сон. Я с тобой.

Его хватка постепенно слабела, дыхание выравнивалось. Он все еще держал меня, но теперь не судорожно, а почти нежно, словно боялся, что я исчезну. Я не двигалась. Я лежала рядом с ним, чувствуя, как подо мной пульсирует его сердце, вдыхая запах его разгоряченной кожи, смешанный с лавандой — этот запах, казалось, пропитал весь дом, всю его жизнь. И я чувствовала, как мое собственное сердце разрывается от жалости, от боли и от чего-то еще. Чего-то, чему я боялась дать имя.

— Спи, — прошептала я, глядя его по влажным, темным волосам. — Я не уйду.

И он уснул. По-настоящему. Глубоко, без кошмаров. Его дыхание стало ровным, спокойным, а хватка отпустила мое запястье, и его рука просто легла поверх моей. Я осталась рядом, боясь пошевелиться, боясь разрушить эту хрупкую тишину. За окнами занимался серый московский рассвет, а я лежала в постели своего фиктивного мужа и понимала: контракт контрактом, но сердцу не прикажешь. И, кажется, я уже начала нарушать его правила.

Глава 16. Семейный ужин

Я проснулась в своей спальне. Солнце щедро заливало комнату, лавандовое белье было свежим и прохладным, словно его поменяли только что. Я лежала под одеялом в своей пижаме, хотя совершенно не помнила, как и когда вернулась в эту комнату. Может быть, он перенес меня? Или мне все это приснилось — крик, его объятия, тепло его тела?

Я подошла к зеркалу. На моем запястье остались бледные, едва заметные следы от его пальцев. Это не был сон.

За завтраком в огромной столовой, с панорамными окнами, выходящими в сад, Даниил сидел напротив меня, невозмутимо пил черный кофе и просматривал деловую почту на планшете. Его рубашка была безупречно отглажена, волосы уложены, лицо свежее, без следа ночного кошмара. Он не сказал ни слова о том, что случилось. Ни намека. Даже взгляда не бросил в мою сторону.

Я тоже молчала, ковыряя вилкой омлет, который плавал в масле и казался мне безвкусным. За окном шелестели листья, и где-то вдалеке звонко пели птицы. Тишина между нами была напряженной, но странно — не враждебной.

— Сегодня вечером семейный ужин, — произнес он наконец, не поднимая глаз от экрана. — Совет директоров и их супруги. Это важно. Ты должна выглядеть безупречно. Без компромиссов.

— Я постараюсь, — сухо ответила я, размазывая омлет по тарелке.

— Надень фиолетовое платье, которое мы купили в бутике, — добавил он, и в его голосе послышалось что-то новое. Не приказ. Почти просьба, но обернутая в привычную броню жесткости.

— Почему фиолетовое? — я подняла на него глаза, чувствуя легкое удивление.

Он оторвал взгляд от планшета и посмотрел на меня. В его серых глазах промелькнула едва заметная искра — не усмешка, а скорее тайное, злое удовольствие.

— Этот цвет ненавидит Вероника, — произнес он, и уголок его губ дернулся. — Говорит, что он ее полнит и старит. Она на дух его не переносит. И сегодня там будет много общих знакомых.

Я хмыкнула. Вот, значит, как. Маленькая месть бывшей — цвет, который она ненавидит, надетый на новую жену. Я невольно улыбнулась — впервые за всё утро искренне и беззаботно.

— С удовольствием, — ответила я, и в моем голосе прозвучала та самая искренность, которую я раньше прятала за страхом.

Вечером я надела фиолетовое платье от «Эли Сааб». Тонкая, струящаяся ткань облегла фигуру мягко, словно вторая кожа, а глубокий, насыщенный цвет выгодно оттенял мою бледную кожу. Я надела кольцо с бриллиантом — холодное, тяжелое, и оно напомнило мне, что я здесь на законных основаниях. Почти.

Ресторан «Турандот» сиял золотом и хрусталем. Отдельный кабинет, обтянутый бархатом, был сервирован для двенадцати персон. За столом собрались члены совета директоров «Морозов Индастриз» с супругами. Важные, седые мужчины в дорогих костюмах и их холеные жены, увешанные бриллиантами, которые при каждом движении звенели, как колокольчики. Я чувствовала себя самозванкой в этом окружении, но фиолетовое платье сидело идеально, и я держала спину ровно, стараясь не выдать своего волнения.

Весь вечер я очаровывала их. Не кокетством — искренностью. Я слушала рассказы о внуках, расспрашивала о дачных розах, смеялась над старомодными шутками. Жены совета директоров, поначалу скупающие и пресыщенные, вдруг оттаяли. Они начали переглядываться, улыбаться, и поглядывать на меня с легкой симпатией. Я говорила с ними о простых вещах — о

погоде, о детях, о том, как важно иногда выключать телефон и просто смотреть на закат. И они верили мне.

Даниил сидел во главе стола, наблюдая за мной. В его взгляде было то самое загадочное выражение, которое я не могла расшифровать — смесь изумления, настороженности и чего-то, похожего на одобрение.

— А вы знаете, Алиса Дмитриевна, — произнес вдруг седовласый мужчина с добрыми глазами, сидевший по правую руку от Даниила. — Я ведь знал вашего свекра. Покойного Андрея Морозова. Мы вместе начинали бизнес в девяностых. Он был жестким, но справедливым.

Я замерла, не зная, как реагировать. Свекор? Тот самый отец, который был жесток с матерью Даниила? Тот, из-за которого Даниил боится собственных рук? Я чувствовала, как Даниил напрягся рядом со мной — я видела, как его пальцы на ножке бокала побелели.

— Вы очень похожи характером на его жену, Елену, — продолжил старик, и его голос стал мягче. — Такая же искренняя, светлая. Она была чудной женщиной. Жаль, что так вышло. Слишком рано она ушла. И Андрей... он никогда не оправился после ее смерти.

— Спасибо, — тихо ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я не застала ее, но... мне кажется, она была замечательной.

Старик одобрительно кивнул и поднял бокал за нашу пару. Даниил сидел с каменным лицом, но я видела, как его рука слегка дрогнула, когда он поднес бокал к губам.

И в этот момент двери кабинета распахнулись.

Вероника стояла на пороге, словно разъяренная фурия. Алое платье облегло ее фигуру, щеки пылали гневом, а глаза метали молнии ненависти. За ней, безуспешно пытаясь ее остановить, маячил растерянный администратор.

— Госпожа, сюда нельзя, это частное мероприятие...

— Я невеста! — выкрикнула Вероника, и ее звонкий голос разнесся по всему кабинету, заставив все разговоры смолкнуть. — Бывшая невеста этого человека! И я имею право знать, почему он женился на первой встречной нищенке!

Тишина повисла над столом — гробовая, тяжелая. Жены совета директоров переглядывались, прикрывая рты ладонями. Мужчины хмурились, не зная, как реагировать. Я почувствовала, как кровь приливает к моим щекам. Мне хотелось провалиться сквозь землю, но я заставила себя сидеть прямо, смотреть вперед и не опускать взгляд.

— Вероника, — произнес Даниил, медленно поднимаясь со стула. Его голос был тихим, но в нем звучала такая угроза, что у меня по спине побежали мурашки. — Ты сейчас же покинешь это помещение.

— Я не уйду! — она шагнула к столу, ее тонкие пальцы указали прямо на меня. — Посмотрите на нее! Провинциальная оборванка! Она очаровала вас своей наивной улыбкой, а сама охотится за деньгами! Я навела справки, Алиса Ветрова! Твоя мать лежит в онкологии, у тебя ни гроша за душой, ты продалась ему как дешевая шлюха!

— Достаточно.

Голос Даниила хлестнул, словно удар плети. Он обошел стол быстрыми, тяжелыми шагами, и его рука стальной хваткой сомкнулась на локте Вероники.

— Ты сейчас же уйдешь, — повторил он, и его голос стал ледяным, как зимний ветер. — Или я сделаю так, что твое имя будет упоминаться в приличном обществе только шепотом и с усмешкой. Ты меня знаешь, Вероника. Я слов на ветер не бросаю.

Она побледнела так, что ее лицо стало белым, как бумага. Он наклонился к самому ее уху и что-то прошептал. Я не слышала ни слова, но увидела, как ее лицо исказилось гримасой ужаса, как она вырвала локоть из его хватки и, стуча каблуками, вылетела из кабинета, оставив за собой лишь сладкий приторный запах духов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.